L 12
1781

L 12.
L 181.

ЕВРЕИ и СЛАВЯНЕ

или

СЕМИТЫ и ИНДО-ЕВРОПЕЙЦЫ.

Въ опроверженіе предположенія объ антропологическомъ различіи между Семитами и Индо-европейцами.

сочиненіе

Исаака Варшавскаго.

ОДЕССА.

Тип. Исаковича, уг. Дерибасовской и Гаванной, собст. домъ, № 10.

1887.

ТИП. ИСАКОВИЧА.

2007097144

Дозволено цензурою.—Одесса, 2-го іюня 1887 года.

Его Превосходительству,

Господину Декану Историко-филологическаго факультета Императорскаго Новороссійскаго Университета, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику и Кавалеру

Ивану Степановичу

НЕКРАСОВУ,

прекрасно и многополезно соединяющему ученіе съ добродѣтелью, научныя изслѣдованія съ занятіями по дѣламъ благотворительности,

свой трудъ

почтительнѣйше посвящаетъ

Н. Варшавскій.

I.

О происхожденіи языка.

Вопросъ о происхожденіи и развитіи языка едва ли не одинъ изъ труднѣйшихъ философско-историческихъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ можетъ осуществиться лишь съ извѣстной степенью вѣроятности, но не математическою положительностью. Какъ и многіе философскіе вопросы, онъ также подвергался различнымъ способамъ разрѣшенія, по различнымъ точкамъ зрѣнія, принятымъ занимавшимися имъ изслѣдователями. Тезисъ объ откровеніи языка принадлежитъ тѣмъ ученымъ, которые неуклонно придерживаются преданій въ буквальномъ ихъ смыслѣ, не рѣшаясь ограничить ихъ тѣмъ морально-назидательнымъ значеніемъ, которое составляетъ ихъ исключительное достоинство. Однако нравственные принципы, преподаваемые моралистами въ наглядно-внушительной оболочкѣ въ видѣ повѣствованій, вовсе не обусловлены историческою дѣйствительностью послѣднихъ. Въ прекрасномъ преданіи о сотвореніи первой женщины изъ ребра перваго мужчины историческая дѣйствительность вполнѣ замѣняется заключающимся въ немъ высокимъ, облагораживающимъ нравоученіемъ, выраженнымъ въ стихѣ: «Посему оставляетъ человѣкъ отца своего и мать свою и прилѣпляется къ женѣ своей, и *они должны составлять одну плоть*» (Бытіе 2, 24). Понятно, что никакой здравомыслящій изслѣдователь не предпочтетъ буквальное значеніе сказаннаго преданія раціональному его толкованію, имѣющему въ виду лишь проистекающую изъ него прекрасную мораль. Тоже самое мы должны утверждать относительно преданія о происхожденіи человѣческаго рода

отъ одной четы, сразу ставшей на извѣстный нравственный уровень, будучи одарена всеми человѣческими преимуществами, между прочимъ и совершеннымъ языкомъ. И дѣйствительно, древніе мудрецы не преминули указать на это преданіе какъ на поученіе всеобщаго человѣколюбія и равнаго уваженія всѣхъ расъ и народовъ, говоря: «Почему человѣкъ былъ сотворенъ одинъ?*) Чтобы никто не сказалъ другому: «мой отецъ былъ достойнѣе твоего отца». Такимъ образомъ вся суть въ тенденціи сообщенія. Оно, согласно библейскому духу вообще, должно быть разсматриваемо какъ притча, изъ которой вытекаетъ высокое нравоученіе, но вовсе не претендующая на историческую дѣйствительность. Идея человѣческаго достоинства вообще, братства и солидарности всѣхъ племенъ и расъ имѣетъ свое раціональное основаніе не въ общемъ происхожденіи, а въ общихъ качествахъ человѣческой души. Родъ человѣческій единъ по своему существу, независимо отъ своего происхожденія.

И такъ, нѣтъ основанія уклоняться отъ современнаго взгляда естествовѣдѣнія и языковѣдѣнія, по которому предполагается испоконное различіе въ родѣ человѣческомъ по существующимъ различнымъ расамъ или породамъ людей, и соотвѣтственно сему различные, первоначальные языки. Но и у придерживающихся такого критическо-научнаго взгляда мнѣнія о *происхожденіи* языка расходятся. Яковъ Гриммъ,**) ратуя противъ тезиса объ откровеніи языка, неопровержимо доказываетъ, что языкъ не данъ человѣку какъ нѣчто внѣшнее, отъ него совершенно независящее, а есть дѣло человѣческой природы съ естественнымъ, правильнымъ развитіемъ. Но между тѣмъ какъ Гриммъ, въ строгой послѣдовательности своего принципа, смотритъ на языкъ какъ на произведеніе человѣческаго *творчества*, не признаетъ въ немъ ничего врожденнаго человѣку, предполагаетъ его нача-

*) Т. е. весь человѣческій родъ считается потомствомъ одного человѣка.

**) Über den Ursprung der Sprache. Berlin 1862.

ло въ ограниченномъ числѣ *моносиллабическихъ* корней, обозначавшихъ обыкновенныя воззрѣнія въ самомъ неопредѣленномъ видѣ, но изъ которыхъ мало по малу, въ теченіи времени, при искуственномъ развитіи, образовались полисиллабическія слова, преимущественно посредствомъ агглютинаціи частицъ къ окончаніямъ въ видѣ флексій для показанія отношеній,—другой лингвистъ, Ренанъ, *) утверждаетъ, что «языкъ образовался вдругъ и единовременно произошелъ изъ генія каждой расы». На основаніи того факта, что чѣмъ болѣе углубляешься въ исторію языка, тѣмъ болѣе онъ представляется многосложнымъ, синтетическимъ и грамматически богатымъ, онъ предполагаетъ эту синтетичность и грамматическое богатство въ самомъ возникновеніи языка. Противъ гипотезы Гримма о моносиллабичности перваго періода исторіи языка, служащей критеріумомъ младенчества, онъ указываетъ на языки американскихъ и африканскихъ дикарей, далеко уступающихъ, напр. китайцамъ, въ интеллектуальномъ и культурномъ развитіи. Эти языки обладаютъ значительнымъ грамматическимъ развитіемъ, между тѣмъ какъ китайскій языкъ и понынѣ остался моносиллабичнымъ. Но гипотеза Гримма вовсе не исключаетъ возможности искуственнаго увеличенія числа моносиллабическихъ словъ и замѣненія грамматическаго усовершенствованія языка лексикологическимъ его восполненіемъ посредствомъ отдѣльныхъ частицъ и т. п., каковой примѣръ представляетъ намъ китайскій языкъ. Гриммъ только утверждаетъ, и вполнѣ основательно, что грамматическое развитіе и усовершенствованную структуру нельзя считать первичнымъ состояніемъ языка, что первоначально языкъ ограничивался скуднымъ числомъ моносиллабическихъ корней, обозначавшихъ самыя кардинальныя воззрѣнія въ крайней неопредѣленности. Съ этимъ тѣмъ болѣе слѣдуетъ согласиться, что можно привести факты, указывающіе на крайне скудословное состояніе язы-

*) О происхожденіи языка (русск. переводъ, Воронежъ 1886) стр. 7.

ка первобытныхъ людей, напримѣръ: десятичность числительной системы, указывающую на выраженіе чиселъ показаніемъ пальцевъ и т. п.

Въ особенности насъ не можетъ не удивлять отрицаніе постепеннаго развитія языка изъ моносиллабическаго первоначальнаго его состоянія—лингвистомъ Ренаномъ, черпающимъ свои сравнительныя лингвистическія данныя, между прочимъ, изъ источника Семитическихъ языковъ, относительно которыхъ новѣйшими учеными (Фюрстомъ и Эвальдомъ) ростъ и развитіе основнаго звуковаго элемента языка до очевидности обнаружены въ самыхъ корняхъ, такъ что трилитарность ихъ оказывается позднѣйшею формаціею. Чѣмъ больше углубляешься въ этимологію и словопроизводство этого семейства языковъ, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что всѣ корни его были первоначально моносиллабичные, или билитарные, а только впослѣдствіи времени, посредствомъ присоединенія къ нимъ извѣстныхъ буквъ или частицъ, сдѣлались трилитарными, или двусложными. Можно даже доказать, что это совершалось довольно скоро и замѣтно для народа, что двусложные корни были употребительны уже тогда, когда односложные вовсе не были еще преданы забвенію. Такъ въ первой книгѣ Моисеевой (5, 29) односложное имя «Ной» толкуется въ смыслѣ, для обозначенія котораго уже употребляется двусложный корень, образованный изъ первоначальнаго односложнаго, который, повидимому, еще сохранялся въ памяти и сознаніи народа*). Въ языкѣ Мишны употребляются трилитарные глаголы, происходящіе отъ библейскихъ билитарныхъ корней; между тѣмъ библейскій языкъ и понынѣ употребляется въ литературѣ и богослуженіи. Очевидно, что кромѣ грамматическаго развитія словъ изъ первоначальныхъ односложныхъ

*) Иначе, это объяснилось бы въ самомъ текстѣ, подобно Сам. 9. 9. Какъ на примѣры употребленія въ одинаковой степени какъ билитарнаго, такъ и трилитарнаго корня, укажемъ на *нк* и *нкм* (Іоэль 4, 21 и Второз. 32, 43) *нт* и *нтл* (Перв. Парал. 21, 10 и Втор. Сам. 24, 12) и т. п.

корней, въ позднѣйшій періодъ, посредствомъ агглютинаціи буквъ или частицъ и разныхъ фонетическихъ видоизмѣненій образовались двусложные или трилитарные корни, обозначающіе разные оттѣнки понятій, или же совсѣмъ вытѣснившіе первичные односложные корни.

Что же касается до мнѣнія, встрѣчаемаго у мыслителей прошлаго столѣтія, что языкъ былъ *изобрѣтенъ* человѣкомъ умышленно съ предварительнымъ разсчетомъ, подобно ремесламъ, по необходимости удовлетворенія потребностей общежитія, то такое предположеніе вообще не согласимо съ новѣйшими результатами науки о языкѣ, и оказывается крайне несостоятельнымъ въ виду правильнаго взгляда на природу языка, сложившагося на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ, добытыхъ въ нашемъ столѣтіи въ области сравнительнаго языкознанія.

II.

Факторы образованія языка.

И такъ, языкъ не внѣшній даръ, не умышленное изобрѣтеніе и не образовался вдругъ творческою силою данной человѣческой расы, а мало по малу создавался, посредствомъ физическихъ и интеллектуальныхъ способностей человѣческой природы, подъ воздѣйствіемъ окружающихъ условій. Только зародышъ его, т. е. способность воспринимать впечатлѣнія и выражать ихъ посредствомъ членораздѣльныхъ звуковъ, прирожденъ человѣку; основные же элементы его создавались мало по малу подъ внѣшними впечатлѣніями, преимущественно въ видѣ подражанія природѣ вещей, сообразно съ особенностями слуховыхъ и звуковыхъ органовъ каждой расы. Изъ этихъ основныхъ элементовъ, въ теченіи вѣковъ, образовался, развился и усовершенствовался настоящій, полный языкъ съ опредѣленными лексикологическими и грамматическими формами, сообразно съ опредѣленными формами мышленія, установившимися соотвѣтственно сложенію мозга, психическимъ и умственнымъ свойствамъ каждаго племени. Въ образованіи основныхъ элементовъ, такъ называемыхъ корней языка, дѣйствовала, такъ сказать, инстинктивно *внѣшняя* природа человѣка. Явленія и движенія видимой природы, возбудившія соотвѣтствующія воззрѣнія въ сознаніи человѣка, естественно выражались имъ звуковымъ способомъ въ видѣ подражанія*),

*) Подражаніе звуковымъ способомъ явленіямъ и предметамъ, вовсе не поражающимъ слуха, или не поражающимъ его характеристическимъ образомъ, объясняется посредствомъ *звуковой метафоры*. (См. Сист. языковѣдѣнія Гейзе, русскій пер. стр. 112). Какъ на наглядный примѣръ взаимной замѣнимости впечатлѣній, получаемыхъ разными чувствами, слѣдуетъ указать на *цветовой* слухъ, опытами надъ которымъ въ новѣйшее время стали заниматься многіе знаменитые ученые въ разныхъ странахъ Европы.

откуда возникли простѣйшіе, односложные звуковые знаки для обозначенія воззрѣній. Образованіе же изъ этихъ звуковыхъ знаковъ *словъ* для обозначенія развившихся изъ воззрѣній сформированныхъ представленій или понятій, вызвало къ дѣйствію *внутреннюю* природу человѣка, его психическія свойства, умозрѣніе и мыслительную способность.

За исключеніемъ только словъ, означающихъ отношенія, образовавшихся преимущественно изъ такъ называемыхъ мимическихъ звуковъ, звуковъ ощущеній и т. п., не подвергавшихся дальнѣйшему логическому развитію, умственныя способности человѣка и его психическія качества дѣйствовали въ образованіи всѣхъ словъ, образующихъ главный составъ языка, такъ называемыхъ, словъ *вещественныхъ* Изъ нихъ слова, означающія дѣйствія или состоянія, т. наз. глаголы, образовались примитивно и непосредственно. Ихъ значенія заключались естественно въ самыхъ словесныхъ корняхъ; дѣйствіе умственныхъ и характерныхъ свойствъ человѣка могло отражаться только въ установленіи предѣловъ даннаго значенія, его оттѣнковъ и метафорическаго примѣненія. Образованіе же остальныхъ частей рѣчи, названій предметовъ, качествъ и т. д., совершавшееся на основаніи особенныхъ взглядовъ, сопоставленій и соображеній о примѣненіи того или другаго дѣйствія или состоянія къ данному предмету, качеству и т. д., объ обозначеніи того или другаго предмета по извѣстному признаку и т. п., вообще дальнѣйшее развитіе языка въ этимологолексикологическомъ отношеніи—рѣшительно обусловливалось свойствами характера, умозрѣнія и міросозерцанія даннаго племени*).

Такимъ образомъ, въ языкѣ отражаются интеллектуальныя и психическія свойства народа, но собственно не во внѣшнемъ фонетическомъ его составѣ, не въ образѣ подра-

*) На это, можетъ быть, намекается въ книгѣ Бытія 2, 20.

жанія природѣ вещей, не въ звуковомъ способѣ выраженія воззрѣній, чувствованій и ощущеній; словомъ, не въ лексикологическомъ матеріалѣ языка, а въ духовномъ настроеніи, складѣ ума и взглядѣ на вещи, проявляющихся въ опредѣленіяхъ, перенесеніяхъ, сближеніяхъ и сопоставленіяхъ, руководившихъ народнымъ геніемъ при образованіи изъ словесныхъ корней опредѣленныхъ лексикологическихъ формъ, сопровождаясь соотвѣтствующимъ сформированіемъ и опредѣленіемъ представленій и понятій, такъ сказать, вылитіемъ мыслительнаго матеріала въ опредѣленныя формы.

Языкъ—это органъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и воплощеніе мысли. Мыслительный матеріалъ принимаетъ извѣстныя формы посредствомъ языка. Развитіе мыслительной способности, какъ индивидуальной, такъ и племенной идетъ рука объ руку съ развитіемъ языка, взаимно дѣйствуя и вліяя другъ на друга.

Согласно вышеизложенному, разсматривая проявленія народнаго ума въ языкѣ, мы должны, главнымъ образомъ, принимать въ соображеніе слѣдующія лингвистическія явленія:

1) Оттѣнки значенія и метафорическое употребленіе глаголовъ. Хотя въ послѣднихъ, какъ сказано выше, заключаются примитивныя значенія словесныхъ корней, но изъ ихъ первичныхъ значеній, сообразно народному умозрѣнію и образу мыслей, развились вторичныя, метафорическія, или аналогичныя коренным значеніямъ, и установились разные оттѣнки ихъ, въ чемъ и заключается вліяніе народнаго ума и проявленіе его характера.

2) Производство остальныхъ частей рѣчи отъ глаголовъ, т. е. примѣненіе общаго представленія къ даннымъ предметамъ, явленіямъ, отношеніямъ и т. д.

3) Омонимность и метафорическое употребленіе остальныхъ частей рѣчи.

4) Образованіе глаголовъ отъ остальныхъ частей рѣчи.

Итакъ, разсматривая языкъ какъ эманацію человѣческаго духа, какъ отрасль духовной природы человѣка въ воплощенномъ проявленіи, мы рѣзко отличаемъ въ его исторіи періодъ его возникновенія отъ періода его сформированія. Первый обнимаетъ то время, когда неопредѣленныя и неосмысленныя созерцанія и воззрѣнія человѣка находили инстинктивно-невольное выраженіе естественными, односложными звуками посредствомъ органовъ голоса, возбужденныхъ естественнымъ порывомъ отраженія и подражанія, въ родѣ такъ называемыхъ рефлективныхъ движеній, и можетъ называться періодомъ *инстинктивно-выразительнымъ*; второй относится къ той стадіи развитія человѣческаго рода, когда, стремясь къ ясному познанію и опредѣленному пониманію, человѣческій духъ перешелъ отъ смутныхъ воззрѣній къ опредѣленнымъ представленіямъ и яснымъ понятіямъ, а естественные, односложные звуки должны были вслѣдствіе этого преобразоваться въ *слова* съ грамматическими формами для отчетливаго выраженія разнообразныхъ формъ мышленія. Этотъ періодъ можно называть *интеллектуально-опредѣлительнымъ*.

Но человѣческій духъ, какъ и воплощеніе его—слово, не знаютъ предѣловъ; они безостановочно растутъ и развиваются, идя рука объ руку съ жизнію и культурою. Языкъ, по совершенномъ сформированіи и установленіи его, сообразно съ физическими и духовными свойствами даннаго племени, подъ вліяніемъ окружающей природы, продолжаетъ подвергаться вліяніямъ историческихъ событій, успѣховъ культуры и умственнаго развитія народа, особенностей другихъ языковъ и т. п. Пришедши въ соприкосновеніе съ другимъ языкомъ, путемъ общежитія или литературы, онъ заимствуетъ у него слова, грамматическія формы, обороты рѣчи и т. д. Отъ потрясающихъ историческихъ событій языкъ испытываетъ существенныя пертурбаціи: разстраивается, видоизмѣняется и даже развѣтвляется, такъ что

отъ одного основнаго языка въ теченіи вѣковъ происходитъ цѣлое *семейство* родственныхъ языковъ, которые, въ свою очередь, развѣтвляются на разныя нарѣчія. Наконецъ, языкъ самъ по себѣ ведетъ органическую жизнь и, достигши зрѣлаго возраста, не коснѣетъ, а продолжаетъ формироваться, приводить въ надлежащую гармонію звуковые и духовные свои элементы, сглаживаться и аналитически раскладываться сообразно съ законами благозвучія и удобопонятности и т. д. Этотъ третій періодъ образованія языка можно называть *культурно-воспринимательнымъ*. Очевидно, что самобытное міросозерцаніе народа и характеристическія черты его духа проявляются только въ результатахъ средняго періода, могущихъ быть прослѣживаемы въ вышеизложенныхъ четырехъ видахъ лингвистическихъ явленій.

III.

Языковѣдѣніе и этнологія.

Въ раздѣленіи народовъ на разныя группы, этнографія развиваетъ свою систему не только на основаніи физіологическихъ признаковъ: формы черепа, лицеобразованія, цвѣта кожи и т. д., но руководится также менѣе существенными различіями: языка, религіи, степени образованности и т. д. Однако это имѣетъ мѣсто только по мѣрѣ того, какъ эта наука, помимо собственно антропологическихъ моментовъ, составляетъ отрасль географіи; одному только языку, находящемуся въ органической связи съ внутреннею природою человѣка, слѣдуетъ приписать психо-антропологическое значеніе.

Такимъ образомъ, антропологъ или этнологъ, изучающій виды человѣчества какъ въ физическомъ, такъ и въ психическомъ отношеніи, долженъ принимать въ соображеніе какъ наружныя, осязательныя различія людей, на которыхъ основывается раздѣленіе ихъ на *расы* или *породы*, такъ и различіе языковъ, такъ какъ въ языкѣ, согласно выше изложенному*), отражаются интеллектуальныя и психическія свойства народовъ. И такъ, допускается возможность, чтобы между народами, помимо расовыхъ особенностей, существовало психическое различіе, проявляющееся въ свойствахъ употребляемыхъ ими языковъ. Однако очевидно, что между физіологическимъ и лингвистическимъ началомъ въ этомъ отношеніи разница существенная. Различность физіологическихъ качествъ между извѣстными народами прямо указы-

*) См. выше гл. II.

ваетъ на естественное, природное между ними различіе, въ виду котораго трудно предположить совершенное психическое сходство; но различность языковъ, не говоря о томъ, что языки вообще могутъ быть перешедшими или заимствованными вслѣдствіе историческихъ событій,—должна быть тщательно провѣрена: дѣйствительно ли она проистекаетъ отъ различія народно-психологическихъ свойствъ подлежащихъ племенъ; тѣмъ болѣе при тождествѣ физическихъ качествъ, такъ какъ нельзя не признать, что по мѣрѣ того, какъ несходство физическихъ качествъ указываетъ на характерное и психологическое различіе, такъ тождество такихъ качествъ говоритъ *противъ* предположенія такого различія.

Сказанная провѣрка должна состоять въ изслѣдованіи того, въ чемъ различаются подлежащіе языки. Согласно вышеизложенному, дѣйствительное народно-психологическое различіе должно проявляться въ опредѣленіи значеній словъ и въ лексикологическомъ словопроизводствѣ, т. е. во взглядѣ на вещи и въ образѣ представленій, обусловливающихъ оттѣнки значеній словъ, метафорическіе переносы, омонимы и образованіе производныхъ словъ, между тѣмъ, какъ изъ результатовъ обыкновеннаго сравненія и различенія языковъ, по лексикологическому ихъ матеріалу и даже по грамматическому ихъ построенію, вывести заключеніе въ народно-психологическомъ отношеніи вовсе не основательно. Подражаніе природѣ вещей, безсознательныя побужденія къ такъ называемымъ звукамъ-тѣлодвиженія, звукамъ-ощущенія и т. п. до того неопредѣленны, случайны и произвольны, звуки нашихъ словесныхъ органовъ до того родственны между собой, перемѣнчивы и переходящи другъ въ друга, что въ фонетическомъ элементѣ языка можетъ проявляться вообще очень мало характеристичнаго. Также въ грамматическомъ построеніи языка отражаются качества словесной способности даннаго племени, но не его характеръ и психическія свойства. Характеръ народа и его геній обнаружива-

ются въ его языкѣ, собственно, въ развитіи первоначальныхъ значеній корней, въ свойственныхъ ему метафорахъ и въ примѣненіи первоначальныхъ коренныхъ значеній къ спеціальнымъ явленіямъ, образуя изъ звуковыхъ корней словесныя формы, при соотвѣтственномъ развитіи изъ общихъ воззрѣній опредѣленныхъ представленій и понятій.

Эти общія соображенія, конечно, могутъ быть примѣняемы и въ частности къ народамъ любой человѣческой породы. Мы поговоримъ здѣсь о т. наз. Кавказской расѣ, народы которой этнографы, какъ извѣстно, раздѣляютъ на Индо-европейцевъ и Семитовъ,—раздѣленіе, основанное единственно на лингвистическихъ данныхъ, по которому, тѣмъ не менѣе, приписываютъ значеніе въ антропологическомъ отношеніи. «Антропологія, говоритъ Ренанъ,*) не дошла бы до отличія Индо-европейскихъ народовъ отъ народовъ Семитическихъ, если бы наука о языкѣ не доказала, что языки Еврейскій, Сирійскій и Арабскій—съ одной стороны, и Санскритскій, Греческій, Германскія нарѣчія и проч.,—съ другой стороны, составляютъ два отдѣльныя цѣлыя».

Такое перенесеніе результатовъ языковѣдѣнія въ область этнологіи и антропологіи слишкомъ важно, чтобы не быть подвергнуто тщательному научному изслѣдованію и критической провѣркѣ. Неосновательное раздѣленіе народовъ на разныя группы, отличая одни отъ другихъ въ антропологическомъ отношеніи, можетъ отзываться враждебно на международныхъ отношеніяхъ и имѣть вредное вліяніе на общественный строй государства, составленнаго изъ разныхъ племенъ и національностей; въ особенности при содѣйствіи неблагонамѣренныхъ руководителей и вожаковъ, подхватывающихъ всякій основательный и неосновательный, годный и негодный лозунгъ, лишь бы онъ могъ служить ихъ личнымъ стремленіямъ и самолюбивымъ тенденціямъ. Возникшее въ

*) Въ приведенномъ выше мѣстѣ его сочиненія: о происхожденіи языка.

послѣднее время, въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы, враждебное движеніе большинства населенія противъ его меньшинства подъ фирмою «антисемитизмъ» показало всю возмутительность послѣдствій подобнаго предразсудка. Такимъ образомъ, критическое изслѣдованіе правильности или неправильности различія Семитовъ отъ Индо-европейцевъ въ антропологическомъ отношеніи на основаніи лингвистическихъ данныхъ имѣетъ кромѣ научнаго интереса и соціальное значеніе. Хотя едва ли можно быть до такой степени наивнымъ, чтобы не уразумѣть, что сказанное движеніе проистекаетъ не изъ научныхъ ошибокъ, а изъ соперничества, зависти и борьбы за преобладаніе въ экономическомъ отношеніи со стороны тѣхъ, которые старательно ищутъ и всегда находятъ разные предлоги для возможнаго съуженія круга равноправныхъ и примѣненія принциповъ братства и свободы къ возможно меньшему числу желудковъ; но наука должна протестовать противъ злоупотребленія ея принципами, и слѣдуетъ показать мизантропію, скрывающуюся подъ личиною національности и патріотизма, во всей ея неприглядной наготѣ.

И такъ, Индо-европейскіе антисемиты говорятъ: хотя Семиты тоже принадлежатъ къ нашей (кавказской) расѣ, но они все таки не то, что мы: «наука о языкѣ доказала, что языки Еврейскій, Сирійскій и Арабскій—съ одной стороны, и Санскритскій, Греческій и т. д.—съ другой стороны, составляютъ два отдѣльныя цѣлыя». Но, не говоря уже о томъ, что даже относительно звуковаго элемента языковъ нельзя не признать основательности результатовъ изслѣдованій новѣйшихъ ученыхъ (Gesenius, Ewald, Fürst, Schwartze, Lepsius, Steinthal и Raumer), доказывающихъ тождественность корней и близкое сродство языковъ Семитическихъ съ Индо-европейскими,*)—для того, чтобы на основаніи лингвисти-

*) См. соч. Гейзе: Система языковѣдѣнія, стр. 215 (въ русскомъ переводѣ). И даже по части грамматическаго построенія языковъ можно указать, напр., на изданную извѣстнымъ ученымъ М. Рабиновичемъ (Парижъ 1879) Польскую грамматику съ сравненіями съ древне-еврейскимъ языкомъ, и т. п.

ческихъ особенностей сдѣлать заключеніе относительно качествъ народнаго характера, согласно вышеизложенному, не слѣдуетъ принимать въ соображеніе фонетическія или морфологическія свойства языка, а ту сторону его, гдѣ дѣйствительно проявляются психическія качества народа, черты его характера, его міросозерцаніе, умозрѣніе, способъ мышленія и т. д.

Въ этомъ отношеніи лингвистика еще мало сдѣлала. Правда, старались языковѣды характеризовать отдѣльные народы; толковали*) о направленіи народнаго духа, проявляющемся въ языкѣ: о преобладаніи въ духѣ народа и языка чувственнаго воззрѣнія или объективности, внутренняго ощущенія или субъективности и наконецъ—отвлеченно-раціональнаго мышленія. Они также указывали на относительное богатство языка словами и рѣзко различающимися выраженіями для извѣстныхъ сферъ понятій, какъ на критерій своеобразнаго народнаго характера. Такимъ путемъ они старались вывести характеристическія особенности языковъ и сопоставить ихъ съ замѣчаемыми характерными качествами подлежащихъ народовъ, въ томъ видѣ, въ которомъ они представляются намъ, какъ языки усовершенствованные и національности сформированныя сообразно съ данными житейскими и историческими условіями. Они также принимали въ соображеніе этимологическое основное значеніе разныхъ культурныхъ словъ у различныхъ народовъ, такъ какъ въ производствѣ обозначеній культурныхъ предметовъ отъ тѣхъ или другихъ примитивныхъ понятій отражается взглядъ народа и ходъ его культурнаго и историческаго развитія. Далѣе, трактовали языковѣды о томъ, что языкамъ свойственны извѣстныя связи между мысленными представленіями, согласно коимъ являются измѣненія значеній словъ и образова-

*) См., напр., Система языковѣдѣнія, соч. Гейзе, въ русскомъ переводѣ стр. 287 и д.

ніе однихъ словъ отъ другихъ*). Но сравнительная лингвистика еще не занималась классификаціей языковъ на основаніи тождественностей и различій въ лексикологическомъ словопроизводствѣ и оттѣнкахъ значеній, чтобы могла быть рѣчь о томъ, что наукой о языкѣ доказано, что такъ называемые Семитическіе языки съ одной стороны и Индоевропейскіе съ другой—составляютъ два отдѣльныя цѣлыя въ психическомъ или интеллектуальномъ отношеніи. Мало того, мы готовы доказать здѣсь противное: что такой отдѣлительной черты, такой основной различности въ средѣ языковъ Кавказской расы нѣтъ. И вотъ какимъ путемъ: Мы можемъ показать примѣры, доказывающіе, что нѣкоторые Индо-европейскіе языки, въ психическо-интеллектуальномъ отношеніи, болѣе сродны Семитическимъ чѣмъ другимъ Индо-европейскимъ же языкамъ, что̀ до очевидности доказываетъ, что въ этомъ отношеніи отнюдь не можетъ быть основнаго, общаго различія между Индо-европейскими и Семитическими языками. Для сказанной цѣли возьмемъ выдающійся изъ Семитическихъ языковъ, по своей богатой, классической литературѣ и высшей степени совершенства, языкъ древне-еврейскій (къ примѣрамъ котораго присовокупимъ аналогичныя данныя изъ области другихъ Семитическихъ языковъ) съ одной стороны, а съ другой — языки Русскій и старо-славянскій, и вотъ представятся намъ общія сказаннымъ языкамъ замѣчательныя психическо-интеллектуальныя особенности, большею частью не оказывающіяся въ иныхъ извѣстныхъ намъ Индо-европейскихъ языкахъ. Изъ такихъ сравнительныхъ сближеній очевидно вытекаетъ, что Русскіе Славяне въ психическо-интеллектуальномъ отношеніи ближе къ Евреямъ (Семитамъ), чѣмъ напр. къ Нѣмцамъ**) или Французамъ (Индо-европей-

*) См. напр. филолог. записки 1864 г., стр. 137 и д.

**) Особенную важность придаемъ отсутствію указанныхъ особенностей въ нѣмецкомъ языкѣ, такъ какъ онъ не только принадлежитъ къ числу Индоевропейскихъ языковъ, но даже находится въ ближайшемъ родствѣ съ языками Славяно-Литовскаго племени: Всю Индо-европейскую группу языковѣды раздѣляютъ

цамъ), что ясно доказываетъ, что относительно психо-антропологическихъ качествъ, насколько они обнаруживаются въ языкѣ, никоимъ образомъ нельзя предполагать общей разницы между Семитами и Индо-европейцами. Результаты этихъ сближеній имѣютъ двоякую доказательную силу. Ихъ положительная сторона, т. е. присутствіе въ нѣкоторыхъ Индо-европейскихъ языкахъ тожественностей съ духовными особенностями Семитическихъ языковъ, уже само по себѣ доказываетъ нѣкоторое сродство между многоразличными духовными сферами Семитовъ и Индо-европейцевъ. Затѣмъ ихъ негативная сторона, т. е. отсутствіе такихъ свойствъ въ иныхъ Индо-европейскихъ языкахъ, обусловливающее большее сродство между нѣкоторыми Индо-европейцами и Семитами, чѣмъ между нѣкоторыми племенами самихъ Индо-европейцевъ,—уже доказываетъ совершенную ничтожность положенной языковѣдами грани посреди языковъ разныхъ народовъ одной и той же Кавказской расы, именно: отдѣленіе вообще Семитическихъ отъ Индо-европейскихъ.

И такъ, изложенныя нами въ слѣдующей главѣ лингвистическія данныя въ доказательство духовнаго сродства между языками Семитовъ и Русскихъ Славянъ, должны доказать всю несостоятельность новомоднаго соціальнаго раскола между Семитами и Индо-европейцами вообще, и относительно народа Русскаго въ особенности, такъ какъ на основаніи этихъ данныхъ, которыя, кстати сказать, въ настоящемъ трудѣ нашемъ далеко не исчерпаны, а выставлены примѣрно лишь болѣе наглядныя, замѣчательныя и болѣе обиходныя,—можно рѣшительно утверждать, что Русскіе Славяне обладаютъ такими психическо-интеллектуальными свойствами, которыя сближаютъ ихъ народный характеръ

на *восемь главныхъ* языковъ, изъ коихъ Санскритъ и Зендъ составляютъ языки арійскаго племени (въ тѣсномъ смыслѣ); затѣмъ Греческій и Латинскій языки, ведущіе свое общее происхожденіе отъ языка Пеласговъ, особо образуютъ одно цѣлое, между тѣмъ какъ языки Славянскій, Литовскій и Нѣмецкій составляютъ отдѣльную Славяно-Германскую группу. Наконецъ, стоитъ особо языкъ Кельтовъ.

болѣе къ Евреямъ, чѣмъ къ инымъ Индо-европейскимъ народамъ.

Но тутъ возбуждается вопросъ, такъ сказать, о компетентности этихъ данныхъ для подтвержденія нашего тезиса. Въ виду того, что лингвистическія особенности вообще могутъ быть заимствованы однимъ народомъ у другаго, невольно спрашивается: не перешли-ли особенности древне-еврейскаго языка, литература котораго могла сдѣлаться образцовою для Славянъ принявшихъ христіанство, путемъ св. писанія, въ старо-славянскую литературу, а отъ нея и въ народный русскій языкъ? И дѣйствительно, филологами уже было обращено вниманіе на то, что многіе гебраизмы, путемъ дословнаго перевода Ветхаго завѣта, перешли въ Церковно-славянскій языкъ*). Были-ли составители Церковно-славянскаго перевода Ветхаго Завѣта, какъ нѣкоторые полагаютъ, знакомы съ древне-еврейскимъ подлинникомъ, изъ котораго они прямо и непосредственно перенесли сказанныя гебраизмы, или же, что болѣе вѣроятно, послѣдніе перешли въ церковно-славянскій переводъ только посредствомъ Греческаго перевода 70 толковниковъ—это равносильно. Они не могутъ считаться грецизмами, такъ какъ въ Греческомъ переводѣ они также составляютъ уклоненія отъ духа древне-греческаго языка и употреблены переводчиками лишь въ виду Еврейскаго подлинника.

Въ отвѣтъ на такой вопросъ, мы должны только указать на то, что, согласно вышеизложенному раздѣленію исторіи образованія языка на три періода, мы рѣзко различаемъ существенныя, самобытныя лингвистическія особенности отъ тѣхъ, которыя могутъ быть привиты силою внѣшнихъ вліяній, или заимствованы отъ другихъ языковъ посредствомъ международнаго общежитія или литературы. Трактуя о характеристикѣ народнаго духа, намъ вовсе нѣтъ дѣла до послѣднихъ.

*) Смр. ст. М. Шапиро въ газетѣ «День», издававшейся въ Одессѣ, за 1871 годъ.

Наши доводы основываются на такихъ данныхъ, которыя до сихъ поръ, насколько намъ извѣстно, скрывались въ глубинѣ тайниковъ народнаго духа, не дошедши до умозрѣнія и сообразительности литераторовъ. Это явствуетъ изъ того, что даже современники наши, переводившіе памятники древне-еврейской письменности на русскій языкъ прямо съ подлинника, не пользовались ими для вящаго и болѣе мѣткаго переложенія.

Эта основная идея настоящаго сочиненія нашего впервые была высказана нами въ 1871 году, при появленіи первыхъ переводовъ еврейскаго молитвенника на русскомъ языкѣ, въ издававшейся тогда въ Одессѣ газетѣ «День» (Смр. № № 2, 4, 7, и 11 и 21). Мы обращали тогда вниманіе Еврейско-Русскихъ литераторовъ на замѣчательное духовное сродство между древне-еврейскимъ и Русскимъ языкомъ, и указывали на мѣста, гдѣ Русскій переводчикъ долженъ имѣть въ виду тожественность въ способѣ мышленія и образѣ выраженій между сказанными языками для того, чтобы самымъ точнымъ и соотвѣтствующимъ образомъ передать смыслъ Еврейскаго подлинника.

Какъ рецензентъ даннаго литературнаго труда, мы ограничились опредѣленною рамкою; но высказанное нами, кажется, было достаточно, чтобы побудить лингвистовъ къ болѣе или менѣе совершенной разработкѣ нашего основнаго положенія и возведенію его до той степени, которую мы теперь ставимъ себѣ задачею, т. е. до опроверженія предположенія о лингвистическомъ основаніи къ антропологическому различію между Семитами и Индо-европейцами. Также въ собственно филологическомъ отношеніи, т. е. для добыванія научныхъ результатовъ въ области сравнительнаго языкознанія и экзегетики, упомянутыя указанія наши могли бы въ достаточной мѣрѣ обратить вниманіе литераторовъ на важное значеніе Славянскихъ языковъ для древне-еврейской филологіи. Въ виду доказательствъ близкаго духовнаго сход-

ства между древне-еврейскимъ языкомъ и языками Русскихъ Славянъ, принадлежащими къ семьѣ Индо-европейскихъ языковъ, мы должны причислить послѣдніе вообще, а Славянскіе языки въ особенности, въ логико-этимологическомъ отношеніи, къ пособіямъ древне-еврейской филологіи; другими словами: изслѣдователи мертваго, лишь въ неполной литературѣ сохранившагося древне-еврейскаго языка и его во многомъ проблематичной письменности, нуждающихся въ источникахъ для лингвистическихъ сравненій, могущихъ проливать на нихъ свѣтъ,—не должны ограничиваться, такъ назыв. родственными древне-еврейскому, языками Семитическими, а могутъ также съ успѣхомъ распространять свои сравненія, въ логическомъ отношеніи, на область Индо-европейскихъ языковъ, при чемъ едвали не первенствующая роль выпадетъ на долю языковъ Русскихъ Славянъ.

Мы уже упомянули, что въ отношеніи лексикологическаго матеріала языковъ новѣйшіе ученые гебраисты обогащаютъ древне-еврейскую филологію сближеніями съ элементами Индо-европейскихъ языковъ. Однако это можетъ служить только доказательствомъ общаго происхожденія всѣхъ народовъ Кавказской расы и существовавшаго у нихъ одного общаго праязыка; но нельзя довести эти сближенія до того, чтобы въ фонетическомъ отношеніи считать Индо-европейскіе языки вообще пособіемъ для изслѣдованія др.-еврейскаго языка и освѣщенія проблематичностей его письменности. Звуковой матеріалъ языковъ измѣнчивъ до неузнаваемости, при чемъ разнообразіе предметовъ, представленій и понятій, требующихъ различныхъ словесныхъ формъ, такъ громадно, что совпаденія и тожественности неминуемы, и фонетическія сближенія между различными языками часто бываютъ мнимыя и неосновательныя. Не то въ психо-интеллектуальномъ отношеніи. Замѣчательныя черты народнаго характера, особенности его умозрѣнія и міросозерцанія, какъ

природные элементы, удерживаются прочно и неизгладимо проявляются въ языкѣ, такъ что подобныя сближенія могутъ давать разрѣшающія указанія для взаимнаго освѣщенія сравниваемыхъ языковъ. Нашъ опытъ подобныхъ сближеній между столь отдаленными фонетически языками, т. е. между древне-еврейскимъ и Русскимъ, даетъ намъ право считать психическо-интеллектуальное сравненіе вообще источникомъ филологическихъ изслѣдованій для всѣхъ языковъ Кавказской расы, не смотря на различіе Семитовъ отъ Индо-европейцевъ. И такъ, относительно древне-еврейской филологіи, къ тремъ уже указаннымъ оріенталистами источникамъ: 1) контекстъ и соотвѣтствіе въ самихъ древне-еврейскихъ памятникахъ, 2) еврейская традиція и 3) родственные еврейскому Семитическіе языки*), — мы можемъ прибавить еще психическо-интеллектуальное сравненіе съ другими языками вообще**) и языками Русскихъ Славянъ въ особенности.

Между тѣмъ, со времени появленія упомянутой статьи нашей, насколько намъ извѣстно, въ области еврейско-русской лексикографіи, какъ трудъ, имѣющій касаться трактуемаго предмета, появился только изданный въ 1878 году въ Вильнѣ «Еврейскій и Халдейскій этимологическій словарь къ книгамъ Ветхаго Завѣта» О. П. Штейнберга. Послѣдній, въ предисловіи своемъ, повторилъ высказанное нами еще въ 1871 году, говоря, что «въ русскихъ словахъ, гораздо болѣе, нежели въ словахъ какого либо иного языка, замѣчается одинаковость въ аналогіи мысли, одинаковость въ ассоціаціи представленій съ соотвѣтствующими имъ словами древне-еврейскаго языка»; при чемъ однако г. Штейнбергъ изволилъ совершенно игнорировать насъ, и также пренеб-

*) Гезеніусъ: Von den Quellen der hebräischen Wortforschung и т. д.

**) См. Гезеніусъ въ приведенномъ сочиненіи стр. 40, прим. 93.

рѣчь примѣненіемъ, сдѣланнымъ нами нашимъ тезисомъ, именно: утилизированіемъ Русскаго и старо-славянскаго языковъ для древне-еврейской филологіи. Въ предисловіи къ Еврейско-Русскому словарю онъ не нашелъ возможнымъ указать на выводы отъ психическаго сродства Русскаго и Еврейскаго языковъ, ближе касающіеся его предмета, чѣмъ гипотезы объ этимологическомъ происхожденіи того или другаго вполнѣ понятнаго и употребительнаго Русскаго слова. Но вѣдь невольно наталкиваешься на мысль о болѣе важныхъ, непосредственно интересующихъ Еврейско-Русскаго лексикографа результатахъ, могущихъ вытекать изъ указаннаго источника изслѣдованій: путемъ освѣщенія разнотолкуемаго Ветхаго Завѣта лучами новаго свѣта изъ духовныхъ сферъ Индо-европейскаго міра и обогащенія древне-еврейской лексикографіи ссылками на несемитическіе языки для объясненія проблематическихъ словъ и реченій.

Въ виду всего изложеннаго, мы въ слѣдующей главѣ въ особенности будемъ обращать вниманіе читателя на тѣ проявленія указаннаго духовнаго сродства, которыя съ общимъ интересомъ для сравнительнаго языкознанія соединяютъ и тотъ спеціальный, но неоцѣненный интересъ, что ими объясняются смутныя, проблематичныя мѣста древне-еврейской письменности,—чего въ выше упомянутой статьѣ нашей мы могли касаться только вскользь, соразмѣрно съ узкими предѣлами критики даннаго литературнаго произведенія.

И такъ, дѣйствительная наука о языкѣ не только не доказываетъ, что такъ называемые языки Семитическіе въ психо-антропологическомъ отношеніи составляютъ одно отдѣльное цѣлое въ противоположность языкамъ Индо-европейскимъ, а наоборотъ, приводитъ къ тому убѣжденію, что всѣ народы Кавказской расы одного происхожденія и болѣе

или менѣе тѣсно связаны между собою узами психическаго и интеллектуальнаго родства, смотря по свойствамъ ихъ характеровъ, образовавшихся и развившихся подъ вліяніемъ многосложныхъ историческихъ, климатическихъ и бытовыхъ условій въ періодъ ихъ развѣтвленія и сформированія, но отнюдь не по принятой, на основаніи внѣшнихъ, несущественныхъ признаковъ, схемѣ раздѣленія на Семитовъ и Индо-европейцевъ.

IV.

Духовное сродство между Семитическими и Славянскими языками.

А.

Въ переносѣ и оттѣнкахъ значеній глаголовъ.

1) Въ русскомъ глаголѣ *стать* и *становиться*, основное значеніе которыхъ переходитъ въ понятіе *дѣлаться, начинать быть* и даже *начинать дѣлать* (въ глаголѣ *стать*), проявляется тотъ замѣчательный взглядъ, по которому понятія stehen, stellen, sich stellen, sein, werden и anfangen тѣсно связаны между собою и замѣняютъ другъ друга. Это свойственно также Семитическимъ языкамъ. Напримѣръ, въ древне-еврейской письменности глаголъ, извѣстный въ значеніи *стоять, вставать*, мы можемъ встрѣтить на такомъ мѣстѣ, гдѣ контекстъ непремѣнно требуетъ понятія *дѣлаться, начинать быть* (Пс. 32,9), а глаголъ, извѣстный въ значеніи *начинать* (дѣлать), мы можемъ найти тамъ, гдѣ онъ очевидно значитъ *дѣлаться, начинать быть* (Бытіе 9, 20;*) 1 Сам. 3, 2). Семити-

*) По общепогребительному значенію словъ этотъ стихъ должно переводить: *Ной началъ человѣкъ земли и насадилъ виноградникъ*. Чтобы придать связь и ясный смыслъ этому стиху, экзегеты пошли разными путями: одни принимаютъ существительное *человѣкъ земли*, т. е. земледѣлецъ, въ смыслѣ глагола и переводятъ: *Ной началъ воздѣлывать землю и насадилъ виноградникъ*; другіе толкуютъ эти слова въ смыслѣ приложенія: Und Noah, der Ackerbauer, fing an und pflanzte einen Weinberg (Zunz); et Noé, qui était laboureur, commença de planter la vigne (Ostervald); наконецъ третьи парафразируютъ глаголъ hochel (начинать) въ смыслѣ *начинать быть, дѣлаться чѣмъ*: Noah begann zu werden ein Ackermann (Gesenius). Указанная нами аналогія Русскаго языка вполнѣ подтверждаетъ сіе послѣднее предположеніе, между тѣмъ какъ остальныя гипотезы лишены всякаго основанія.

ческій корень *кит* въ древне-еврейскомъ и Халдейскомъ языкахъ употребляется въ смыслѣ *вставать*, а въ Самаританскомъ языкѣ онъ значитъ *существовать*, *жить*, отъ чего происходитъ древне-еврейское jekum: существо. Въ значеніи *осуществляться* онъ встрѣчается Пс. 7, 7 и Іер. 51, 49. Съ русскимъ глаголомъ *стать*, въ смыслѣ *начинать быть, дѣлаться*, должно переводить его Ам. 7, 2: *чьмъ станетъ Іаковъ* и т. д. Это мѣсто такъ и гласитъ въ переводѣ, изданномъ въ Вѣнѣ 1887 г., и нѣтъ сомнѣнія, что это—самый удачный переводъ, при которомъ слово mi удерживаетъ свое мѣстоименное значеніе, которое оно въ древне-евр. письменности никогда не утрачиваетъ.

2) Стараясь умалить богослужебное значеніе жертвоприношеній, псалмопѣвецъ (Пс. гл. 50) указываетъ на то, что Богъ владѣетъ вселенною и, слѣдовательно, не нуждается въ приношеніяхъ людей. Въ этомъ смыслѣ говорится между прочимъ: «Не нужно мнѣ брать тельца изъ дома твоего, ни козловъ изъ дворовъ твоихъ. Ибо Мои всѣ звѣри въ лѣсу, и скотъ на горахъ тысячами. Я *знаю* всѣхъ птицъ на горахъ и т. д.» Тутъ неумѣстность глагола *знать* бросается въ глаза. Спрашивается: развѣ знаніе чего либо даетъ возможность пользоваться имъ. Развѣ не можетъ кто отлично знать всѣхъ птицъ, которыя на горахъ и въ тоже время нуждаться въ нихъ? Тутъ невольно припоминается пословица: «лучше синица въ рукѣ, нежели журавль на небѣ». И дѣйствительно, несоотвѣтствіе сказаннаго глагола контексту не ускользнуло отъ вниманія экзегетовъ, изъ которыхъ нѣкоторые пытались, но не съумѣли горю пособить. Такъ напр. Геркгеймеръ объясняетъ въ примѣчаніи: Ich kenne als mein Eigenthum. Я знаю, какъ свою собственность. Но не трудно сообразить, что переводы, нуждающіеся въ подобныхъ объяснительныхъ примѣчаніяхъ похожи, на плохое изображеніе, нуждающееся въ приписке названія изображае-

маго. Вѣдь въ текстѣ говорится только о *знаніи*, а *о собственности* и помину нѣтъ. Но дѣло въ томъ, что гебраисты не постигали настоящаго значенія еврейскаго глагола *іода*. Его переводятъ по русски *знать*, но въ немъ очевидно проявляется тотъ взглядъ, по которому въ русскомъ глаголѣ *вѣдать*, какъ извѣстно, соединяются понятія *знать, управлять и завѣдывать*. Переведя приведенное мѣсто Псалтыри: *Я вѣдаю всѣми птицами* и т. д., мы получимъ вполнѣ ясный и соотвѣтствующій контексту смыслъ.

Въ подтвержденіе высказаннаго нами, можно привести еще другія мѣста древне-еврейской письменности. Такъ во второй главѣ Второзаконія, по общеупотребительному смыслу упомянутаго глагола, говорится: «Ибо Господь, Богъ твой, благословилъ тебя во всякомъ дѣлѣ рукъ твоихъ; Онъ *зналъ* путешествіе твое по сей великой пустынѣ; вотъ уже 40 лѣтъ ты ни въ чемъ не терпѣлъ недостатка» и т. д. Здѣсь несоотвѣтствіе понятія *знать* до такой степени очевидно, что толкователи всячески старались придумать подлежащему еврейскому глаголу подходящее значеніе, которое соотвѣтствовало бы контексту. Нѣкоторые переходятъ отъ понятія *знать* къ *заботиться*: «Er hat gesorgt für deinen Zug. (Zunz); «hat dein Reisen zu Herzen genommen»(Luther.) Другіе предпочитаютъ переходъ отъ *знанія* къ *уваженію, покровительству*, при чемъ, произвольно парафразируя, не останавливаясь передъ уклоненіями отъ грамматики и духа языка, они относятъ дѣйствіе указаннаго глагола не къ путешествію, а къ народу *во время* путешествія. Однако предположеніе присутствія въ древне-еврейскомъ *іода* аналогіи мысли, проявляющейся въ Русскомъ глаголѣ *вѣдать*, даетъ намъ ключъ къ открытію настоящаго смысла приведеннаго стиха. Его слѣдуетъ переводить: *Онъ вѣдалъ путешествіемъ твоимъ* и т. д.

То же самое мы должны сказать относительно слѣдующихъ стиховъ Псалтыри, которые по употребительному значенію вышесказаннаго Еврейскаго глагола переводятся: «Ибо *знаетъ* Господь путь праведныхъ, а путь нечестивыхъ погибнетъ» (1, 6), «Господь *знаетъ* дни непорочныхъ, и достояніе ихъ пребываетъ вѣчно» (37, 18). Что такой переводъ не удовлетворяетъ критическихъ экзегетовъ —это видно изъ того, что нѣкоторые толкователи здѣсь также не употребляютъ глагола wissen или kennen, а пріискиваютъ выраженій болѣе подходящихъ, не смотря на то, что имѣютъ мало общаго съ настоящимъ значеніемъ Еврейскаго глагола *іода*. Однако Русскому переводчику, въ силу духовнаго сродства его языка съ языкомъ библейскимъ, приходится только замѣнить глаголъ *знать* однозначущимъ съ нимъ *вѣдать*, который въ смыслѣ *завѣдывать* вполнѣ соотвѣтствуетъ контексту. Смр. переводъ Мандельштамма къ послѣднему стиху: «Господь *завѣдуетъ* днями*) непорочныхъ».

3) Въ русскомъ глаголѣ *забывать*, если объяснять его по аналогіи однозначущаго съ нимъ *запамятывать*, проявляется тотъ замѣчательный взглядъ, по которому *существованіе*, *жизнь*, *движеніе* (какъ физическое, такъ и умственное), *мышленіе и памятованіе* родственны. Такой взглядъ проявляется также въ Семитическомъ глаголѣ howoh, который въ арамейскомъ языкѣ соединяетъ въ себѣ значенія *быть*, *существовать* и *мыслить*, *разсуждать***). Вавил. Талм. трактатъ Бобо-Камо 7 а, Сукк. 28 а и др.

4) Въ 18 главѣ книги Судей, гдѣ рѣчь идетъ о пришедшихъ въ Лаисъ, чтобы осмотрѣть городъ и образъ жиз-

---

*) Лучше перевесть: *судьбами*, такъ какъ въ Еврейскомъ языкѣ *день и время* употребляются въ смыслѣ *судьбы*. Смр. Іовъ 30, 25; Псалт. 31, 16.

**) Ср. Пс. 137, 7, гдѣ одинъ и тотъ же глаголъ означаетъ *забывать* и *переставать быть, дѣйствовать*.

ни жителей его, говорится (въ русскомъ переводѣ): «Они увидѣли народъ, который въ немъ, что онъ живетъ безпечно. .. что нѣтъ такого властелина, *который обижалъ бы въ чемъ нибудь*» и т. д. Въ послѣднихъ, подчеркнутыхъ словахъ рѣзко замѣчается отсутствіе лица, на которое переходило бы дѣйствіе глагола *обижать*. И даже лучшіе Нѣмецкіе и Французскіе переводчики, не находя другаго исхода, прибѣгаютъ къ дешевому способу исправленія посредствомъ вставокъ (смр. переводы Мендельсона, Цунца, Геркгеймера, Остервальда и др.). Они произвольно прибавляютъ (просто, или въ скобкахъ, или же курсивомъ) мѣстоимѣніе, къ которому будто относится сказанный глаголъ. При сравненіи же съ Еврейскимъ подлинникомъ такой способъ оказывается совсѣмъ несостоятельнымъ. Кромѣ отсутствія въ подлинникѣ соотвѣтственнаго мѣстоимѣнія, очевидно, что существительное dovor употреблено въ винительномъ падежѣ, и именно на него переходитъ дѣйствіе глагола hachlem. И такъ, если понимать этотъ глаголъ въ смыслѣ *обижать*, то переводъ вышеприведеннаго мѣста долженъ гласить: *Нѣтъ такого властелина, который обижалъ бы что нибудь*, что не имѣетъ ровно никакого смысла. Между тѣмъ сравненіе съ старо-славянскимъ языкомъ устраняетъ всякое затрудненіе. Дѣло въ томъ, что настоящее, первоначальное значеніе сказаннаго глагола не *обижать*, а *бранить*, (ср. Еврейско-русскій словарь, изданный въ Петербургѣ 1859 г.), и подобно старо-славянскому *бранити* употребляется здѣсь въ смыслѣ *запрещать, возбранять*. И такъ, смыслъ приведеннаго стиха вполнѣ ясенъ: «Нѣтъ такого властелина, который *возбранялъ* бы что нибудь» и т. д. Эта связь между понятіями *бранить и запрещать, возбранять* проявляется также въ оттѣнкахъ значенія еврейскаго глагола goar. См. Малах. 2, 3 и 3, 11.

5) Членораздѣльная рѣчь представляется какъ бы составленною изъ удареній, стуковъ. Это породило связь меж-

ду понятіями *говорить* и *стукать, ударять, бить, разить, сѣчь, разбивать, убивать, рѣзать, разламливать* и т. д. Такой взглядъ обнаруживается въ глаголахъ *болтать, пороть, казать* (означающемъ въ старо-славянскомъ языкѣ какъ *говорить*, такъ и *наказывать казнить*), *рѣзать* («хлѣбъ соль ѣшь, а правду рѣжь») и т. п. Какъ на подобное сему въ Семитическихъ языкахъ, слѣдуетъ указать на древне-еврейскіе корни dowar, molal, означающіе какъ *говорить*, такъ и *стукать, разламливать, рѣзать**), *бить, убивать***),—на арамейское n'gad: *наказывать ударами*, происходящее отъ одного корня съ древне-еврейскимъ haged: *говорить, разсказывать*,—на древне-еврейское goras: *разбивать* (Пс. 119, 20; Ил. Іерем. 3, 16), часто употребляемое въ талмудическомъ нарѣчіи въ смыслѣ *поговаривать, сказывать, преподавать, твердить* и т. п. Къ сему можно еще присовокупить древне-еврейскіе корни nochoh и korà и переводить Пс. 35, 15: «собрались противъ меня *болтуны*, которыхъ я не знаю» *пороли****) и не переставали».

6) Относительно значенія Еврейскаго существительнаго p'nînîm существуютъ различныя мнѣнія между гебраистами, и нѣкоторые изъ нихъ даже противорѣчатъ самимъ себѣ, —вслѣдствіе трудности пріурочиванія сказанному слову такого смысла, который соотвѣтствовалъ бы контексту во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно встрѣчается. Дѣло въ томъ, что p'nînîm, какъ по употребленію въ древне-еврейской письменности, такъ и по этимологическому изслѣдованію (ср. Греч. pinna), всего вѣроятнѣе значитъ *жемчугъ;* между тѣмъ оно въ одномъ мѣстѣ (Плачъ Іереміи 4, 7) сочетается съ глаголомъ *одам*, происходящимъ отъ корня, означающаго *быть красными*, roth sein. Вслѣдствіе этого геб-

---

*] Пр. Солом. 6, 13; Пс. 58, 8; Бытіе 17, 11.

**] 2 Паралипоменонъ 22, 10. Ср. существ. dewer: пораженіе, игръ.

***) Въ смыслѣ *пороть* вздоръ и т. п.

раисты и переводчики древне-еврейской письменности переводятъ упомянутое слово то *жемчугъ*, то *кораллы*, или *драгоцѣнные камни*. Однако стоитъ только принять въ соображеніе замѣчательное воззрѣніе о цвѣтахъ и красотѣ, выражающееся въ арабской поговоркѣ: «красота красна» и проявляющееся въ оттѣнкахъ значеній словъ, какъ въ языкѣ древне-еврейскомъ (см. словарь Гезеніуса, изд. Дитриха, ст. poar), такъ и въ Русскомъ языкѣ (*красный* значитъ roth и также schön),— чтобы прійти къ заключенію, что глаголъ olam, не смотря на его происхожденіе отъ корня, означающаго *быть краснымъ* въ смыслѣ roth sein,—въ формѣ Калъ, въ которой онъ встрѣчается единственно въ вышеприведенномъ мѣстѣ, значитъ schön glänzend sein, и въ такомъ смыслѣ онъ сочетается съ p'ninim: жемчугъ. И дѣйствительно, въ русскихъ переводахъ читаемъ *краше*, а не *красные*, но вмѣсто *коралла* слѣдуетъ переводить *жемчуга*: *они были тѣломъ краше жемчуга**).

Такимъ образомъ является связь между прилагательными *красный* и *бѣлый* (блестящій), и можно предположить, что отсюда вытекаютъ названія chor и edom для обозначенія жителей одной и той же мѣстности (Второзаконіе 2, 12). Ср. Буслаевъ. О вліяніи христіанства на славянскій языкъ, стр. 46, гдѣ говорится, что собственное значеніе слова *Бѣлый* то же, что *красный*, т. е. *прекрасный, свѣтлый*, а ограниченіе того и другаго слова названіемъ извѣстнаго цвѣта есть опредѣленіе позднѣйшее.

7) Своеобразное употребленіе въ Русскомъ языкѣ глагола *взять* въ родѣ вспомогательнаго, или для обозначенія рѣшимости къ какому нибудь дѣйствію, напр. *взялъ да и разсказалъ* и т. п., замѣчательнымъ образомъ имѣетъ свой аналогонъ въ древне-еврейскомъ языкѣ, въ соотвѣтствующемъ глаголѣ lokach. Такъ втор. кн. Сам. 18, 18

*) См. переводъ Филиппсона: glänzender als Perlen der Leib. Ошибочно переводитъ Штейнбергъ: «Кость (?) ихъ была краснѣе коралловъ».

слѣдуетъ переводить дословно: *Авесаломъ взялъ да и поставилъ себѣ*. Равнымъ образомъ Числа 16, 1, гдѣ экзегеты и переводчики сильно затрудняются, прибѣгаютъ къ натяжкамъ и страннымъ предположеніямъ,—по русски можно перевести просто и дословно: *Корей... и Довонъ... взяли да и возстали* противъ Моисея. Понятно, что первый глаголъ употребляется въ текстѣ въ единственномъ числѣ только потому, что онъ предшествуетъ подлежащему. Также Числа 23, 20 слѣдуетъ переводить: *Вотъ благословлять я взялъ*, или *беру* (т. е. буду благословлять), *потому что онъ благословилъ и я не могу изгнать этого* Ср. малорусское выраженіе будущаго времени: *плакатиму, плакатимешь* и т. д. вмѣстѣ плакатиймy, т. е. беру. Смр. 1 лекц. въ Новомъ ряду чтеній. Макса Мюллера (Воронежъ 1866).

8) Изъ взгляда, тожественнаго съ вышеизложеннымъ, вытекаетъ и своеобразное употребленіе глагола *давать*, при чемъ опять проявляется одинаковость въ сочетаніи представленій между сравниваемыми нами языками. Употребленію въ Русской рѣчи глагола *давать* въ смыслѣ *допускать, позволять, не препятствовать*, также его повелительнаго наклоненія — въ родѣ восклицанія для побужденія къ дѣйствію, въ смыслѣ lasst uns, wollen wir, представляется вполнѣ подобное въ соотвѣтствующихъ глаголахъ Семитическихъ языковъ, вслѣдствіе чего многія мѣста др.-еврейской письменности переводятся на Русскій языкъ точнѣе и дословнѣе, чѣмъ на другихъ Индо-европейскихъ языкахъ, на которыхъ еврейскій глаголъ *давать* долженъ быть парафразируемъ и не можетъ быть переведенъ прямо geben, donner и т. п. Наприм., Іовъ 9, 18: «Онъ не *даетъ* мнѣ перевести духъ» (er lässt mich nicht, il ne me permet point и т. п.); 2 Сам. 19, 1: «кто *далъ* бы мнѣ умереть вмѣсто тебя»; Книга Судей 15, 1. «отецъ ея не *далъ* ему войти»; Бытіе 11, 3. 4: «*давайте* надѣлаемъ кирпи-

чей....» «*давайте* построимъ себѣ городъ»; тамъ же 38, 16: «*дай, войду* я къ тебѣ» и т. п.

9) Тожество коренного слога въ словахъ *радъ, радовать и радѣть*, по всей вѣроятности, указываетъ на связь въ народномъ умозрѣніи между понятіями о *радости* и *радѣніи*, и едва-ли можно согласиться съ мнѣніемъ Рейфа о различномъ происхожденіи упомянутыхъ словъ. Это радушно-сангвиническая черта народнаго характера, породившая тотъ взглядъ, по которому вышесказанныя понятія представляются тожественными. И дѣйствительно, развѣ предлогъ *ради* или прилагательное *радъ* въ реченіи: «онъ радъ за него душу свою положить» и т. п. не ближе къ *радѣнію, радивости, готовности*, чѣмъ къ *радости*? Но съ большею еще убѣдительностью является это предположеніе при сравненіи съ памятниками древне-еврейской письменности, гдѣ глаголы, употребительное значеніе которыхъ заключается въ понятіи о *радости, веселіи*, встрѣчаются въ такихъ мѣстахъ, гдѣ контекстъ очевидно требуетъ толкованія въ смыслѣ *радѣнія, радивости, готовности* и т. п. Такъ безсомнѣнно слѣдуетъ переводить Второзаконіе 28, 63: «какъ *радѣлъ* Господь дѣлать вамъ добро и умножать васъ, такъ будетъ *радѣть* Господь губить васъ и истреблять васъ. Неумѣстность перевода: какъ *радовался*.... такъ будетъ *радоваться* и т. д. усмотрѣлъ уже Лютеръ, предпочитавшій соотвѣтствіе содержанію буквальному значенію словъ и, не смотря на отсутствіе этимологическаго основанія, перевелъ подходящее къ смыслу даннаго мѣста подлинника: «sich eifrig beeilen». Только русскій переводчикъ, пользуясь тожествомъ образа мыслей обоихъ языковъ, можетъ вѣрно передать смыслъ и вмѣстѣ съ тѣмъ точно удерживать образъ выраженія подлинника. Равнымъ образомъ проявляется сказанное сочетаніе представленій въ другихъ глаголахъ древне-еврейскаго языка, основное значеніе которыхъ—*радость, веселіе*.

Такъ Исаія 9, 16 должно переводить: «Господь не будетъ *радѣть* о юношахъ его и не помилуетъ сироть и вдовъ его»; Псалтырь 2, 11—«Служите Господу со страхомъ и *радѣйте* съ трепетомъ»; Осія 10, 5—«Ибо восплачетъ о немъ народъ его, и жрецы, *радѣющіе* ему» и т. д.

10) Подобно образовавшемуся въ Русскомъ языкѣ глаголу *любоваться* отъ примитивнаго *любить*, и въ древне-еврейскомъ языкѣ также одинъ глаголъ соединяетъ оба эти понятія; и только посредствомъ этого соображенія мы найдемъ точный переводъ Псалт. 115, 1. См. вышеприведен. стат. нашу (День 1871 г., № 7).

11) Въ вышеприведенной рецензіи нашей мы указали на трудолюбіе и глубокое презрѣніе къ праздношатательству и тупеядству, отражающіяся въ Русскихъ выраженіяхъ: *бездѣльникъ, бездѣльничать* и т. д. и проявляющіяся также въ проникшемъ въ Европейскія литературы древне-еврейскомъ *веліаалъ*, означающемъ, по нашему объясненію, ничтожное, какъ *бездѣльникъ*. Къ сему слѣдуетъ еще отнести значенія глагола *гулять*, въ которыхъ обнаруживается взглядъ на праздношатательство, какъ на источникъ безнравственности. Какъ извѣстно, въ сказанномъ глаголѣ соединяются понятія: *ходить безъ надобности, для препровожденія времени*, и *проводить время въ попойкѣ, предаваться распутству* и т. п.

12) Далѣе, мы въ упомянутомъ мѣстѣ указали на соотвѣтствующую вышесказанному связь между понятіемъ о *бездѣйственности, беззаботности, нерадивости* и понятіемъ о *бездѣльничествѣ, плутовствѣ* и *обманываніи*, обнаруживающуюся въ древне-еврейскомъ языкѣ, какъ въ самомъ глаголѣ scholoh, такъ и въ произведенномъ отъ него существительномъ schalwoh (Дан. 8, 25; 11, 21 и 24). Къ сему слѣдуетъ еще присовокупить древне-еврейское rmijoh, соединяющее оба вышесказанныя поня-

тія. Ср. еще древне-еврейское ozel (Пр. Сол. 15, 19 и 26, 16) и русское *гмыра*.

13) Съ другой стороны существуетъ сознаніе необходимости извѣстной умѣренности въ дѣятельности и заботливости, породившее воззрѣніе о тщетности и даже предосудительности*) чрезмѣрной дѣятельности и хлопотливости. И это воззрѣніе, замѣчательнымъ образомъ, также одинаково проявляется въ сравниваемыхъ нами языкахъ. Подобно славянскимъ словамъ *тща, тще, тщета* и т. д., происходящимъ отъ одного корня со словами *тщаніе, тщивый, тщиться* и т. д.,**) и древне-еврейское otol соединяетъ значенія: *трудъ, чрезмѣрное напряженіе* (Пс. 25, 18; 73, 16), *суета, тщета* (90, 10), *ничтожность, ложь* (Авак. 1, 13; Пс. 94, 20) и т. п.

14) Глаголъ *шататься*, какъ извѣстно, переходитъ отъ первоначальнаго понятія wanken къ значенію sich herumtreiben. То же самое слѣдуетъ сказать о соотвѣтственномъ древне-еврейскомъ глаголѣ nua. Напримѣръ, самый точный переводъ Бытія 4, 12 будетъ на Русскомъ языкѣ: «*шатающимся* и скитальцемъ будешь ты на землѣ»; кн. Судей 9, 9—«Оставлю-ли я.... и пойду-ли *шататься* по деревамъ» и т. п. Но еще замѣчательнѣе старо-славянское употребленіе вышесказаннаго глагола въ смыслѣ *возмущаться, мятежничать*. Предполагая такое сочетаніе представленій въ значеніяхъ соотвѣтственнаго Еврейскаго глагола, мы найдемъ настоящій смыслъ одного проблематичнаго мѣста древне-еврейской письменности. Мы разумѣемъ Плачъ Іереміи 4, 15. Во второмъ полустишіи, какъ видно изъ частицы ki, рѣчь идетъ о причинѣ паденія Іудейскаго государства, заключавшейся, какъ извѣстно, въ возмущеніи противъ царя Вавилонскаго,

*) Смр. Притчи Солом. 28, 20.

**) Ср. однозначность слова *суета*, означающаго какъ Geschäftigkeit, sorgenvolles Treiben, такъ и Eitelkeit, Nichtigkeit.

противъ чего ратовалъ пророкъ Іеремія. Вотъ почему онъ говоритъ: «ибо они стали враждовать и *возмущаться*; тогда у народовъ (предвидѣвшихъ исходъ мятежа) пошла рѣчь: «они не будутъ болѣе обитать» (на своей землѣ). Также I Сам. 20, 30 слѣдуетъ переводить: «сынъ *мятежа* отступническаго»: naawoh отъ nua, какъ saawoh отъ sua.

15) Въ значеніяхъ Семитическаго глагола ossak проявляется переходъ отъ *усерднаго, ревностнаго и хлопотливаго занятія* къ понятію о *борьбѣ, ссорѣ, сварливости* (Бытіе 26, 20); подобное сему представляетъ Русское *рвеніе*, которое въ старо-славянской рѣчи употребляется въ смыслѣ *сварливости*; также—употребленіе Русскаго слова *хлопоты* въ смыслѣ Streit, Zank и т. п.

16) Въ Русскомъ глаголѣ *взвиваться* соединяются два значенія: aufsteigen и sich entfernen. Равнымъ образомъ проявляется связь между сказанными понятіями въ Семиформахъ языкахъ, какъ въ древне-еврейскомъ oloh (въ формахъ Kal и Nifal: перв. Цар. 15, 19; Числа 16, 24), такъ и въ Арамейскомъ slek.

17) Русскій глаголъ *трещать* означаетъ какъ krachen, rasseln, knistern, такъ и platzen, bersten. Предполагая соединеніе этихъ понятій также въ значеніи соотвѣтственнаго древне-еврейскаго глагола, достигнемъ болѣе вѣроятнаго перевода перв. кн. Цар. 1, 40: *земля трещала крики его*, т. е. крики народа показались трещаніемъ земли. Переводя сказанный стихъ: *земля разсѣдалась отъ криковъ его*, представляется необъяснимымъ: почему въ подлинникѣ не сказано mikoulom (Ср. Пс. 6, 4; Іер. 49, 21 и т. п.). Кромѣ того, такое выраженіе ужъ слишкомъ гиперболично и не соотвѣтствуетъ прозаическому разсказу. И дѣйствительно, лучшіе нѣмецкіе переводчики считаютъ нужнымъ парафразировать: dass die Erde zu bersten schien von ihrem Geschrei. Другіе иностранные переводчики еще

болѣе удаляются отъ смысла подлинника: la terre retentissait des cris qu'ils faisaient (Ostervald) и т. п.

18) Въ Русскомъ языкѣ замѣчательнымъ образомъ проявляется аналогія понятій *нести и говорить*, напр. въ глаголѣ *произносить*; въ особенности-же въ употребленіи съ оттѣнкомъ неблагопріятности, неблаговидности, напр. въ реченіяхъ *нести околесную, чепуху, вздоръ*, и т. п. Соотвѣтственно сему, отъ коренного глагола *нести* образовались какъ производные глаголы, такъ и существительныя и прилагательныя имена въ смыслѣ неблаговидной, неблагопріятной или неблагонамѣренной рѣчи: *относить, относъ, относныя* рѣчи; *поносить, поношеніе, поносительныя* слова и т. п. Сходное этому мы встрѣчаемъ въ древне-еврейскомъ языкѣ: глаголъ nosо, *носить*, употребляется въ смыслѣ *говорить, произносить:* Исходъ 20, 7; 23, 1; Числа 23, 7, 18; Ис. 3, 7 и др., а въ извѣстныхъ формахъ и реченіяхъ—съ оттѣнкомъ *неблагопріятности, злословія, угрозы, упреканія* и т. п. Ср. вт. кн. Цар. 9. 25; Прит. Сол. 31, 1 и др. Принимая въ соображеніе вышеизложенное, намъ легко будетъ открыть настоящій смыслъ весьма проблематичнаго мѣста въ древне-еврейской письменности. Мы разумѣемъ Іер. 23, 33—40. Пророкъ старается вывести изъ народнаго употребленія названіе пророческой рѣчи словомъ massо не потому, что кощуны стали придавать ему значеніе *тяжести, бремени*, что̀ ничего общаго неимѣетъ съ *изреченіемъ*, а потому, что стали употреблять упомянутое слово въ смыслѣ *относа, поношенія*, указывая на обидный и обвинительный характеръ рѣчей названнаго пророка. Поэтому пророкъ и говоритъ: «Выраженіе *массо отъ Господа* не употребляйте болѣе; ибо такое *массо* (т. е. въ принятомъ вами смыслѣ) бываетъ для человѣка слово его; вы же (употребляя это относительно пророчества) извращаете

слова Бога живаго.... И положу на васъ *поношеніе* вѣчное и *посрамленіе* вѣчное, которое не забудется».

19) Русскій глаголъ *накрывать* соединяетъ въ себѣ два значенія: decken, bedecken и überraschen, auf etwas losstürzen, anfallen, überfallen. Подобная ассоціація представленій проявляется въ значеніяхъ древне-еврейскаго корня otoh. Смр. Пс. 84, 7; 89, 46 и Ис. 22, 17; перв. кн. Сам. 14, 32 и 15, 19. Два послѣднихъ мѣста лексикографы относятъ къ другому корню, сопоставляя ихъ съ перв. кн. Сам. 25, 14, но различіе пунктуаціи достаточно подтверждаетъ наше мнѣніе, основанное на аналогіи съ Русскимъ языкомъ.

20) Русскому глаголу *ублажать* соотвѣтствуетъ древне-еврейскій ascher. Послѣдній, подобно первому, употребляется какъ въ смыслѣ selig, glücklich preisen, такъ и въ значеніи beglücken: Пс. 41, 3; Прит. Солом. 3, 18. При этомъ еще замѣчательно то, что сочетаніе представленій, по которому сказанный Русскій глаголъ въ народной рѣчи употребляется въ смыслѣ *умилостивлять*, также свойственно и древне-еврейскому языку, въ доказательство чему укажемъ на Ис. 1, 17. Сказанное мѣсто, по всей вѣроятности, слѣдуетъ переводить: «Учитесь благодѣтельствовать, стремитесь къ справедливости, *ублажайте* (или *умилостивляйте*) насильника». Нѣмецкій переводъ: leitet den frevler—очевидная несообразность; другіе толкователи неправильно принимаютъ chomouz въ страдательномъ смыслѣ.

21) Въ Русскомъ глаголѣ *жить* соединяются два значенія: leben и wohnen. Вытекаетъ-ли это изъ взгляда на нашу жизнь какъ на временное пребываніе, въ противоположность загробной, *вѣчной* жизни, или изъ другаго рода сочетанія представленій—это въ сущности безразлично; замѣчательно то, что этотъ взглядъ проявляется также въ древне-еврейскихъ глаголахъ gur (Бытіе 47, 9) и dur (Пс. 38, 12). Также древне-еврейское chawoh *жизнь* (Бытіе 3, 20)

употребляется въ смыслѣ *жительства, селенія* (Числа 32, 41)

22) Какъ въ Русскихъ глаголахъ *копаться, докапываться* проявляется сходство понятій graben и suchen, forschen, такъ и въ древне-еврейскомъ языкѣ, замѣчательнымъ образомъ, одинъ и тотъ же глаголъ (chofar) обозначаетъ оба сказанныя понятія.

23) Древне-еврейскій глаголъ iechoul означаетъ какъ Können, такъ и besiegen, überwinden; эти значенія также въ русскомъ языкѣ выражаются разными формами одного и того же глагола (мочь, превозмогать, превозмочь) и, вслѣдствіе этого, нѣкоторыя мѣста древне-еврейской письменности этимологичнѣе переводятся на русскомъ языкѣ, напр. Бытіе 30, 8; 32, 26; Пс. 13, 5; 129, 2 и т. п.

24) Связь между понятіями *о поспѣшности и о смущеніи, боязливости*, проявляющаяся въ Русскихъ словахъ *торопить, торопыть, торопкій* и *торопливый*, имѣетъ сходное себѣ въ древне-еврейскихъ глаголахъ bohal, chophas и chorad.

25) Употребленіе Русскаго глагола *болыть* (prs. болѣю, болѣешь) въ смыслѣ *принимать участіе, сболѣзновать*, имѣетъ свой аналогонъ въ древне-еврейскомъ cholah, и едва-ли не самый точный переводъ 1 Сам. 22, 8 будетъ на русскомъ языкѣ: *Никто изъ васъ не болѣетъ за меня*, и не открылъ мнѣ, что сынъ мой возбудилъ противъ меня и т. д.

26) Въ Семитическомъ корнѣ toam, какъ въ его глаголахъ, такъ и въ именахъ существительныхъ, замѣчательнымъ образомъ соединяются обозначенія ощущенія *вкуса* и движеніе *разума*. Ср., между прочимъ, I Сам. 12, 17 и Пс. 34, 9, гдѣ toam очевидно замѣняетъ *іода*: *узнавать**). Сходное сему представляетъ Русскій глаголъ *коштовать*, выражающій какъ schmecken, kosten, такъ и wissen, denken.

*) Ср. Іовъ 6, 30, гдѣ органу вкуса приписывается отправленіе разума.

Ср. также *отвѣдать* (schmecken, kosten) отъ *вѣдать**).

27) Въ старинномъ употребленіи Русскаго глагола *рядить* проявляется связь между понятіями *нанимать* и *приготовлять, изготовлять, дѣлать*. На этомъ основаніи Пс. 7, 20 слѣдуетъ переводить: «Въ тотъ день обрѣетъ Господь бритвою, *изготовленною* по ту сторону рѣки, царемъ Ассирійскимъ, голову и т. д., такъ какъ понятіе о наймѣ здѣсь не имѣетъ мѣста.

28) Существуетъ мнѣніе филологовъ о сродствѣ словъ *прясть, пряжа и пряжить*. Какъ на источникъ такого сродства, указываютъ на взглядъ примитивнаго человѣка, которому солнце, восходящее по утру изъ океана и погружающееся туда вечеромъ, представлялось прядущимъ изъ себя золотыя нити**). Та же ассоціація представленій, замѣчательнымъ образомъ, представляется въ Семитическомъ (древне-еврейскомъ и Арамейскомъ) глаголѣ towoh: *прясть* и *пряжить, жарить*

29) Фигуральное употребленіе Русскаго глагола *отводить* въ реченіяхъ *отвести духъ, отвести душу* можно сравнить съ употребленіемъ соотвѣтственнаго древне-еврейскаго глагола hoschew въ подобныхъ же реченіяхъ: Іовъ 9, 18; Плч. Іерем. 1, 11; Пс. 19, 8.

30) Русскій глаголъ *нарекать*, какъ извѣстно, имѣетъ двоякое значеніе: 1) *именовывать, давать имя, называть* и 2) *порицать, хулить*. Эти же оба значенія заключаетъ въ себѣ и древне-еврейскій глаголъ nokaw. Ср. Пс. 62, 2 и Лев. 24, 16 и т. п.

31) Пс. 28, 1 слѣдуетъ переводить: «который на вершинѣ тучной нивы *ошибленныхъ* випомъ», какъ говорятъ по русски: «*его хмѣль ошибаетъ*». Неудовлетворительность нѣмецкаго перевода «der vom Weine

---

*) См. Буслаев. Опытъ Историч. Грамматики § 107.

**) См. «Сказка и миѳъ». Филологическ. Записк. 1864 г. стр. 11.

Geschlagenen» видно уже изъ того, что, напримѣръ, Цунцъ нашелъ нужнымъ прибавить въ скобкахъ «zu Boden»; переводы же: der Weinbetäubten, étourdis de vin и т. п. передаютъ только смыслъ, но не этимологичны и не соотвѣтствуютъ образу выраженія подлинника.

32) Въ Русскомъ языкѣ понятіе finden, какъ видно изъ того, что нѣтъ особаго глагола для обозначенія его, есть только отрасль общаго понятія *подходить, доходить, достигать, постигать, попадать* на что либо, *встрѣчать, заставать, находить* на что-либо и т. д. Такой взглядъ проявляется также и въ древне-еврейскомъ языкѣ. Глаголъ mozoo*), кромѣ значенія *находить* (finden), употребляется также въ смыслѣ *встрѣчать*: перв. кн. Сам. 9, 11; 10, 3 и т. п.; *попадать* на что, *постигать* кого: «Если выйдетъ огонь и *попадетъ* на терніе» (Исх. 22, 5); «Когда постигало его несчастье» (Іовъ 31, 29 и т. п.); *подходить* къ кому: «И *подойдутъ* къ тебѣ три человѣка.... и привѣтствуютъ тебя и дадутъ тебѣ» и т. д.; и даже въ переносномъ смыслѣ Русскаго глагола *подходить*, т. е. *сходствовать, подобиться, приличествовать* и т. д., чѣмъ объясняемъ до сихъ поръ не понятое реченіе: 2 Сам. 18, 22. Указанный стихъ слѣдуетъ переводить: зачѣмъ бѣжать тебѣ, сынъ мой, когда для тебя нѣтъ *подходящей* вѣсти. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ контексту. Ср. ст. 20 и 27.

В.

Въ производствѣ остальныхъ частей рѣчи отъ глаголовъ.

1) Подобно Русскому сущ. *палица, палка*, происходящему отъ глагола *палить***), такъ и древне-еврейское makkel слѣдуетъ производить отъ kolal=koloh палить, жарить.

*) Ср. Арамейское mtoo.

**) Ср. ст. «Сказка и миѳъ» въ филологическихъ запискахъ за 1864 г.

2) Русское *крыло* безсомнѣнно образовано отъ глагола *крыть* bedecken, schützen, verbergen, и такое же значеніе имѣетъ тотъ древне-еврейскій глаголъ, отъ котораго образовалось существительное konof (крыло). Смр. Пс. 30, 20. Даже названіе *птицы* въ древне-еврейскомъ языкѣ (ouf) слѣдуетъ производить отъ глагола такого же значенія. Ср. тамъ же 31, 5.

3) Корень древне-еврейскаго ilem (нѣмой), по всей вѣроятности, составленъ изъ частицы отрицанія lou, al и буквы m, которая есть, такъ сказать, ядро корня omar (говорить)*). Точно такимъ же образомъ объяснится и русское *нѣмой* =нѣ-мой, или не-мой, т. е. не говорящій**).

4) Какъ въ старо-славянскомъ и древне-русскомъ языкахъ отъ глагола *слушать* = *слухать* образовалось существител. *послухъ* въ значеніи *свидѣтель*, отъ чего даже образовался глаголъ *послуховати* (свидѣтельствовать), такъ и причастіе древне-еврейскаго глагола schoma (слушать) употребляется въ томъ же значеніи, и самый удачный переводъ Суд. 11, 10 есть старо-славянскій: *Господь да будетъ послухъ****) *между нами, аще*

*) Ср. спряженіе этого глагола въ Арамейскомъ языкѣ emo, teimo и т. д. Подобное явленіе представляется и въ другихъ Семитическихъ корняхъ, суть которыхъ заключается въ средней буквѣ, между тѣмъ какъ первая (алефъ) и послѣдняя (решъ) составляютъ только несущественныя дополненія. Ср. мѣстоимѣніе относительное ascher и замѣняющія его префиксъ sche; также iser и aso (жечь, палить, калить) Пс. 50. 11 и Дан. 3, 25. Что же касается подтвержденія нашего предположенія вообще объ образованіи секундарныхъ корней съ употребленіемъ буквы m для выраженія понятія *говорить*, то укажемъ на meen: *говорить нить*, т. е. отказать; morad: *говорить отступить* (ср. Іер. 2, 31), т. е. отпадать, возмущаться; moschal: *говорить подобное чему нибудь*, т. е. говорить уподобленіями, притчами; noam: *красиво говорить* и т. п.

**) Въ русскомъ языкѣ согласная *м*, какъ основный звукъ для выраженія понятія *говорить*, проявляется въ словахъ *молва*, *молв* и т. д. Произнесеніе звука *м* подходитъ къ указанію на губы, какъ наружный органъ рѣчи.

***) Понятно, что переводъ нѣмецкихъ толкователей Der Ewige sei Zuhörer далеко не удовлетворителенъ, и не удивительно, что другіе иностранные переводчики прибѣгаютъ къ дешевому способу парафразировки, дошедшей до того, что, сохраняя глаголъ *слушать*, они произвольно прибавляютъ кто temoin, кто juge.

по слову твоему тако не сотворихъ. Также съ побочнымъ понятіемъ о достовѣрности, въ противоположность лжесвидѣтелю, Притчи Сол. 21, 28.

5) Какъ въ Русскомъ языкѣ отдаленное мѣсто, густо заросшее деревьями, обозначается словомъ *глушь*, такъ и въ древне-еврейскомъ и Арамейскомъ языкахъ*) такое мѣсто называется chouresch, chorscho отъ chorasch быть глухимъ.

6) Какъ въ Русскомъ языкѣ существительное *берегъ* и глаголы *беречь*, *оберегать* и т. д. составляютъ только разныя формы одного и того же корня, такъ и въ древне-еврейскомъ языкѣ сущ. chouf (берегъ) происходитъ отъ chofaf оберегать, охранять. А посему Второзак. 33, 12 слѣдуетъ переводить: «Онъ *оберегаетъ* его всегда».

7) Какъ въ Русскомъ языкѣ отъ глагола *искусить* образовалось сущ. *искусство* для обозначенія дѣла не простаго, необычайнаго, такъ и въ древне-еврейскомъ языкѣ отъ глагола nasseh *искусить* образовалось сущ. massoh въ подобномъ же значеніи. Разница только въ томъ, что древне-еврейское massoh, употребляемое въ богословской рѣчи, принимаетъ побочное понятіе о чудесности, сверхъестественности (Второзак. 4, 34; 7, 19; 29, 2), между тѣмъ какъ слово *искусство*, выраженіе свѣтской рѣчи, употребляется въ культурномъ смыслѣ.

8) Какъ въ Русскомъ языкѣ отъ глагола *хлопать* образовались существительныя *хлопецъ и охлопокъ*, *охлопье*, *хлопокъ* (Werg), такъ и въ древне-еврейскомъ языкѣ отъ соотвѣтствующаго глагола naar стрясать, охлопывать, образовались существительныя naar мальчикъ, юноша, слуга, хлопецъ и n'oreth охлопки, хлопокъ (Суд. 16, 9; Ис. 1, 31).

9) Въ древне-русскомъ языкѣ комната называется *входищею* отъ глагола входить**). Сходно сему въ Семи-

*) Глаг. chorasch спѣшаться (Тарг. Іовъ 8, 17) есть уже denom. Смр. Levy s. v.

**) См. Буслаева Опытъ. Истор. Грамм. § 112.

тическихъ языкахъ также названіе комнаты происходитъ отъ корня, означающаго входить. Смр. Гезеніусъ-Дитриха Еврейскій и Халдейскій словарь къ книгамъ Вет. Зав. ст. Bajith.

10) Русское *больно* (въ просторѣчіи) въ смыслѣ *весьма, очень*, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ производить не отъ корня словъ *боль, больной* и т. д. (по Рейфу), а— *болій, болье* и т. д., что соотвѣтствуетъ словопроизводству древне-еврейскаго jeter (Дан. 8, 9) и Арамейскаго jatir.

11) Употребленіе въ Русскомъ языкѣ прилагательнаго *ретивое* въ видѣ существительнаго въ значеніи *сердце* и употребленіе названія *сердце* въ смыслѣ *гнѣва*, а также сопоставленіе сего названія съ глаголами *сердить, серчать* и съ прилагат. *сердитый* и т. д.—все это обнаруживаетъ взглядъ на сердце, какъ на вмѣстилище пылкости и горячности. Сему соотвѣтствуетъ въ древне-еврейскомъ языкѣ производство существит. lew (сердце) отъ корня lowaw=lohaw*). Независимо отъ этого, нѣкоторыя выраженія съ иносказательнымъ употребленіемъ слова *сердце* очевидно перешли въ русскій языкъ изъ древне-еврейскаго посредствомъ перевода библіи: *Ожесточить сердце. Это ему по сердцу. Это мнѣ и на сердце не всходило* и т. п. Смр. Исх. 7, 3; Ис. 20, 5; Іер. 7, 31.

12) Подобно Русскому прилагат. *вязкій* (sumpfig, morastig) отъ глагола *вязать* (binden), и древне-еврейское kobal отъ значенія *вязать* переходитъ къ понятію о *вязкости*. Этимъ путемъ найдемъ вполнѣ соотвѣтствующій переводъ перв. кн. Цар. 9, 13.

13) Какъ въ Русскомъ языкѣ отъ корня, заключающаго въ себѣ значеніе *прельщать*, образовалось существ. *прелесть* въ смыслѣ *красоты, пригожества*, такъ и въ древне еврейскомъ языкѣ отъ соотвѣт-

*) Смр. Исх. 3, 2. Ср. bohar=borar.

ствующаго корня potoh образовалось сущ. того же значенія. Согласно сему Пс. 3, 17 слѣдуетъ переводить: «И Господь истребитъ*) *прелести* ихъ». Такого толкованія, повидимому, придерживался Халдейскій переводчикъ, что̀ однако комментаторомъ Раши не было понято.

14) Древне-еврейскому названію втораго мѣсяца siv соотвѣтствуетъ славянское названіе весны *яро*, и мѣсяца мая—*ярецъ*.

15) Древне-русское бъчела (пчела) происходитъ отъ глагола *бучати*, *бучать*, т. е. издавать звукъ. Въ виду этого слѣдуетъ предположить, что и древне-еврейское dwouroh (пчела) произведено отъ глагола dowar, означавшаго первоначально не только говорить, а вообще—издавать звукъ. Смр. выше A, 5.

16) Какъ на болѣе или менѣе вѣроятныя сближенія словопроизводства Русскаго языка съ древне-еврейскимъ, высказанныя г. Штейнбергомъ въ вышеупомянутомъ его словарѣ, указываемъ на слѣдующія: *либо* отъ *любить*, *жребій* отъ *гребать*, *обуза* отъ *об-узить*, *дитя* отъ *дѣять*, *разъ* отъ *разить*, *столъ* отъ *стлать*, *огородъ* отъ *огородить*, *ошибъ* отъ *ошибать*ъ, *ортань* отъ *гортать* =*грести* и *отпрыскъ* отъ *прыскать*.

B.

Въ омонимности и метафорическихъ значеніяхъ остальныхъ частей рѣчи.

1) Прямодушная черта народнаго характера, породившая тотъ взглядъ, по которому справедливость и истина разсматривается какъ *прямизна*, а несправедливость, ложь и грѣшеніе—какъ *кривизна*, замѣчательнымъ образомъ встрѣчается какъ у Славянъ, такъ и у Семитовъ. Русское *прямить* значитъ поступать справедливо, а противополож-

*) Ср. Пс. 137, 7.

ное сему выражается глаголомъ *кривить* (душею); сущ. *прямота* означаетъ справедливость, а *кривота*, *кривда* —несправедливость, ложь; въ такомъ же смыслѣ употребляются и прилагательныя *прямой* и *кривой*. Соотвѣтственно сему, въ древне-еврейскомъ языкѣ глаголъ, основное значеніе котораго *быть прямымъ*, употребляется въ смыслѣ *справедливости* и *честности*, а глаголы, означающіе кривизну: okaw, okal, okasch (съ перемѣщ. буквъ oschak) и owoh, употребляются въ смыслѣ *несправедливости*, *лживости*, *лукавства, обмана и сокрышенія*; отъ Арамейскаго akam образовалось существ. akmon: коварный, мошенникъ (Ier. Талм. Ioma 6) и т. п. Посему нѣкоторыя Еврейскія реченія лучше всего переводятся на Русскомъ языкѣ, наприм. Авакумъ 1, 4 слѣдуетъ переводить: *кривой* судъ и т. п.

2) Къ вышеизложенному слѣдуетъ присовокупить тотъ общій старо-славянскому и древне-еврейскому языкамъ взглядъ, по которому находящееся насупротивъ называется *прямымъ*. Такъ старо-славянское *прямо* означаетъ насупротивъ, а *прямый*—противолежащій. Соотвѣтственно сему въ древне-еврейскомъ языкѣ слова neged и nochach, значущія *супротивъ*, употребляются въ смыслѣ *истинности, справедливости, правильности* и т. п. Пс. 26, 10; 30, 10; Притчи Солом. 8, 6 (ngidim отъ neged, какъ psilim отъ pesel); Амосъ. 3, 10.

3) И подобно выраженіямъ прямизны и надлежащаго мѣстоположенія предмета, также обозначенія его *цѣлости* переносятся на нравственное совершенство. Старо-славянскому употребленію прилагательнаго *цѣлый* въ смыслѣ невинности, безукоризненности и справедливости представляется подобіе въ древне-еврейскомъ языкѣ, гдѣ прилагат. tomim (цѣлый) и сущ. toum (цѣлость) употребляются въ смыслѣ честности, безукоризненности, правдивости и даже въ значеніи правды и истинности пророческаго предвѣщенія.

(перв. кн. Сам. 14, 41; Исходъ 28, 30). Ср. латинск. integritas.

4) Русское слово *причина* въ разговорномъ языкѣ, какъ извѣстно, употребляется въ смыслѣ *неожиданнаго*, *внезапнаго*, *роковаго*, *несчастнаго случая*, *злоключенія**). Подобное сочетаніе понятій въ древне-еврейскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ въ корнѣ oud, отъ котораго происходятъ какъ oudoh, oudoth (причины), такъ и eid (несчастный случай, злоключеніе).

5) Слово rwochoh встрѣчается въ древне-еврейской письменности всего въ двухъ мѣстахъ и, тѣмъ не менѣе, контекстъ указываетъ на соединеніе въ немъ различныхъ, или лучше сказать, противоположныхъ значеній. Между тѣмъ какъ Исх. 8, 11, оно, повидимому, значитъ *облегченіе*, *отдохновеніе*, контекстъ Пл. Іер. 3, 56 требуетъ толкованіе въ смыслѣ *стонанія*, *вздыханія*. Вслѣдствіе этого древніе толкователи, для достиженія здравомысленнаго, безъ натяжекъ подходящаго толкованія данной рѣчи, переводили одно и тоже слово на одномъ мѣстѣ requies а на другомъ—singultus, gemitus, между тѣмъ какъ новѣйшіе гебраисты, увлекаясь лексикографическими соображеніями, прибѣгаютъ къ натяжкамъ и экзегетической замысловатости, не соотвѣтствующей духу еврейскаго синтаксиса, лишь бы приписать сказанному слову въ обоихъ мѣстахъ одно и то же значеніе. По различность значеній, соединяющихся въ Русскомъ глаголѣ *вздохнуть* (отдохнуть, перевести духъ и испускать вздохи), указываетъ на связь между обоими упомянутыми понятіями и вполнѣ подтверждаетъ мнѣніе древнихъ толкователей. Равнымъ образомъ, мы можемъ съ большимъ вѣроятіемъ предположить указанную омонимность въ аналогичномъ древне-еврейскомъ словѣ anochoh, вслѣдствіе чего возможно будетъ перевести Ис. 21, 2 болѣе со-

*) Это перешло даже въ разговорный языкъ Русскихъ Евреевъ, употребляющихъ въ этомъ смыслѣ древне-еврейское sibboh (причина).

отвѣтственно контексту: *Восходи, Элам; осаждай, Мидъ; всякій отдыхъ прекращаю.*

6) Въ русскомъ прилаг. *хорошій* весьма наглядно проявляется тѣсная связь между понятіями gut и schön, чему соотвѣтствуютъ глаголы: хорошѣть schöner werden, хорошить schön machen, также сущ. хорошество: Schönheit и т. п.*). Сходное сему представляется въ древне-еврейскомъ tow, встрѣчающемся въ значеніи *красивый*: Бытіе 6, 2; Исх. 2, 2; Числа 24, 5 и т. п.**). Также наоборотъ: подобно Русскому *прекрасный* (ср. гр. kalos) Еврейское jopheh употребляется въ смыслѣ *пригодный, цѣлесообразный*: Екклез. 3, 11; 5, 17. Ср. значеніе этого слова въ талмудическомъ нарѣчіи.

7) Прекрасная черта народнаго характера, породившая воззрѣніе о связи между понятіями *истинный* и *всегдашній, вѣчный*, проявляется какъ въ старо-славянскомъ, такъ и въ др.-еврейскомъ языкѣ***) Подобно старо-славянскому *присный* и древне-еврейскій корень otan (въ формѣ Nifal) соединяетъ оба вышесказанныя понятія: Бытіе 40, 20; Ис. 33, 16; Іер. 15, 18. Съ другой стороны корень kosaw означаетъ оба противоположныя понятія: Ис. 58, 11.

8) Въ виду омонимности Русскаго и старо-славянскаго *животъ* (соединяющаго значенія Leben и Leib), мы можемъ предположить, что и древне-еврейскія слова nefesch и chajoh (душа, жизнь) означаютъ также *животъ* и *животное тѣло* вообще. И такимъ путемъ достигнемъ болѣе подходящихъ переводовъ къ многимъ мѣстамъ древне-еврейской письменности. Наприм. «Мы помнимъ рыбу, которую въ Египтѣ мы ѣли..., А нынѣ *животъ нашъ изсыхаетъ*».

---

*) Ср. старо-славянское *доброта* (красота).

**) Также, подобно русскому *добрѣть*, въ смыслѣ физическаго, тѣлеснаго благосостоянія. Посему Іер. 44, 17 слѣдуетъ переводить: «Мы ѣли хлѣбъ до сыта и мы *добрѣли*.

***) Ср. Притчи Соломона 12, 19.

Числа 11, 6.*) «Ловишь ли ты львицѣ добычу и *животъ* львенокъ наполняешь». Іовъ 38, 39. «Да произведетъ земля *тѣло живое* по роду его». Бытіе 1, 24. «Ни къ какому *тѣлу умершаго* онъ не долженъ приступать». Левитъ 21, 11 и т. п.

9) Какъ Русское слово *лице* употребляется въ смыслѣ Mensch, Person, такъ и древне-еврейское ponim (лице) встрѣчается въ такомъ же синекдохическомъ употребленіи, что уже отчасти замѣчено лексикографами и толкователями древне-еврейской письменности Ср. гр. πρόσωπον.

10) «Нашъ языкъ пользуется одними и тѣми же корнями словъ для выраженія какъ предметовъ, съ особою силою дѣйствующихъ на чувства, такъ и самыхъ чувствъ. Потому наименованія высшихъ чувствъ, зрѣнія и слуха. въ нашемъ языкѣ сближены съ наименованіями свѣта и рѣчи, какъ такихъ предметовъ, которые сильнѣе прочихъ оказываютъ впечатлѣніе на эти чувства. Отъ глагола *зрѣть* происходитъ .....*заря, зарево*, въ значеніи свѣта; и *взоръ, надзоръ* и проч., въ значеніи смотрѣнія.... Самое реченіе *слухъ* употребляется въ значеніи не только слышанія, но и того, что слышится—въ значеніи молвы, славы, хорошей или дурной; напр. «идетъ слухъ», вм. «идетъ молва», или вмѣсто «говорятъ». Прил. *глухой* имѣетъ значеніе не только лица, которое не слышитъ, но и предмета неявственнаго или незвонкаго; напр. «глухой звонъ, глухая рѣчь» (Буслаева Опытъ Истор. Граммат. § 107).

Указанное приведенными словами г. Буслаева характеристическое свойство Русскаго языка оказывается также и въ др.-еврейскомъ: Глаголъ zuz (въ формѣ Hifil) означаетъ какъ *смотрѣть*, такъ и *сіять*. Ср. Пѣснь Пѣсней 2, 9 и Пс. 132, 18. Отъ глагола schoma (слышать) образовалось сущ. schema, вполнѣ соотвѣтствующее омонимности

*) Несообразность переводовъ: «Und nun lechzet unsere Seele», Nos âmes sont assèchées». «Anima nostra arida est» и т. п.—очевидна.

русскаго *слухъ*, означая какъ Gehör, такъ и Gerücht, Kunde, Ruf: Бытіе 29, 13; Псх. 23. 1; 1 Цар. 10, 1. Также schmuoh; напр., 2 Сам. 13, 30; 1 Цар. 2, 28 по русски слѣдуетъ переводить этимологически сообразно съ подлинникомъ: *Слухъ* дошелъ до Давида, до Іоава, между тѣмъ какъ на другихъ языкахъ приходится употребить сущ. съ глаголомъ со значеніемъ *слышать* ничего общаго не имѣющее: fama, nuntius, bruit, nouvelle, Gerücht и т. п. Что же касается до тожества выраженія «предмета съ особенною силою дѣйствующаго на чувство» съ выраженіемъ самаго чувства въ отрицательномъ смыслѣ (подобно русскому прилагат. *глухой*). то и древне-еврейскій глаголъ chorasch означаетъ какъ лишеніе чувства слышанія, такъ и безмолвіе: Мих. 7, 16; Пс. 35, 22; 38, 2 и т. п. Ср. гр. κωφος, соединяющее оба сказанныя значенія.

11) Русское существительное *шаль*, означающее Muthwille, употребляется также въ смыслѣ Betäubung. Такую омонимность слѣдуетъ приписать и древне-еврейскому timohoun. Хотя въ книгахъ Ветхаго завѣта оно употребляется лишь въ послѣднемъ смыслѣ (Второзак. 28, 28; Зах. 12, 4), но въ еврейскомъ молитвословѣ (за день Всепрощенія) оно очевидно имѣетъ первое значеніе.

12) Русскія слова *чуждый, чужій* и *чудо, чудный* безсомнѣнно одного корня. Такое же сближеніе понятій проявляется и въ древне-еврейскомъ языкѣ. См. Ис. 28, 21, гдѣ слова zor и nochri, обыкновенно употребляемыя въ первомъ смыслѣ, очевидно слѣдуетъ принимать въ послѣднемъ.

13) Слово *вдругъ*, какъ извѣстно, имѣетъ троякое значеніе: 1) однимъ разомъ, въ одно время, 2) немедленно, тотчасъ и 3) внезапно. Такое сочетаніе понятій слѣдуетъ предположить и въ древне-еврейскомъ pithoum, обыкновенно употребляемомъ въ послѣднемъ значеніи. Уже Рашбамъ усмотрѣлъ, что это значеніе не примѣнимо къ Числ. 12, 4

и толкуетъ упомянутое слово въ этомъ стихѣ въ смыслѣ втораго значенія; по нашему же мнѣнію, слѣдуетъ принимать его въ первомъ смыслѣ: Онъ заговорилъ *вдругъ* (въ одно время) какъ къ Моисею, такъ и къ его противникамъ (см. Раши къ словамъ «выйдите всѣ трое»).

14) Подобно сродству Русскихъ реченій *невѣста**) и *невѣстка*, и въ древне-еврейскомъ языкѣ одно и тоже слово (kalloh) обозначаетъ какъ Braut, такъ и Schwiegertochter. При томъ, на этомъ языкѣ, Bräutigam и Schwiegersohn также обозначаются однимъ и тѣмъ же словомъ.

15) Сближеніе понятій, проявляющееся въ омонимности Русскаго реченія *охота*, означающаго какъ Lust, Neigung, такъ и Jagd, слѣдуетъ приписать и древне-еврейскому языку и въ виду этого переводить Бытіе 27, 15: «И взяла Ревекка *охотничью* одежду Исаава» и т. д.**).

16) Русское слово *даромъ*, помимо общеупотребительнаго, основнаго его значенія, какъ извѣстно, употребляется также въ смыслѣ *хотя*, *не смотря на то*. Такое переносное значеніе, по всей вѣроятности, слѣдуетъ приписать и древне-еврейскому chinom (даромъ) и переводить Притч. Солом. 1, 11: «Иди съ нами, сдѣлаемъ засаду для убійства, подстережемъ, *даромъ* что невиннаго» и т. д. Какъ древніе комментаторы (Раши и другіе), такъ и новѣйшіе переводчики и толкователи, не удовлетворяясь обыкновеннымъ переводомъ (по общеупотребительному, собственному значенію словъ), прибѣгаютъ къ разнымъ натяжкамъ; однако аналогія Русскаго языка, какъ сказано, открываетъ намъ настоящій смыслъ проблематичнаго стиха.

17) Русскому сущ. *коса*, соединяющему въ себѣ различныя значенія: Haarflechte и Sense, можно сопоставить

---

*) Въ старо-славянскомъ языкѣ *невѣста* употребляется также въ смыслѣ *невѣстки*.

**) Эта гипотеза передана намъ отъ имени извѣстнаго ученаго Н. Б. Левинзона.

древне-еврейское machlof или machlofoh*), которое также означаетъ какъ сплетенныя волосы (кн. Суд. 16, 13), такъ и острое орудіе, служащее для рѣзанія (Эздра 1, 9).

18) Русское слово *тварь* (Geschöpf), въ областномъ нарѣчіи, употребляется для обозначенія необычайнаго явленія природы, напр. бури, вьюги и т. п. Въ такомъ смыслѣ можно объяснить Числа 16, 30, переводя дословно: «Если они умруть, какъ умираютъ всѣ люди... то не Господь послалъ меня. А если *тварь* сотворитъ Господь и земля разверзетъ уста свои» и т. д.

19) Въ старо славянской и древне-русской рѣчи *вервь* обозначаетъ какъ Strick, такъ и Bezirk, Landstrich. Такое сродство понятій проявляется также въ древне-еврейскомъ chebel, соединяющемъ въ себѣ оба сказанныя значенія.

20) Подобно Русскому *брюхо*, и древне-еврейское beten означаетъ какъ Bauch, такъ и Schwangerschaft. Смр. Ос. 9, 11.

21) На старо-славянскомъ языкѣ *ножница* означаетъ влагалище для ножа или меча: ножны (Scheide), между тѣмъ какъ это же слово въ формѣ множеств. числа: *ножницы*, какъ извѣстно, означаетъ орудіе для стрижки и рѣзанія. Сему сходствуетъ древне-еврейское laar, означающее какъ Scheide, такъ и Scheermesser.

22) По мнѣнію Буслаева (въ его сочиненіи О вліяніи христіанства на русскій языкъ) слово *золото* этимологически значитъ горящее, сіяющее, и согласно сему онъ объясняетъ реченіе *сухое золото*, встрѣчающееся въ сербской народной поэзіи, такъ какъ *сухое* собственно также значитъ glühend, brennend.—Съ этимъ можно сравнить др.-еврейскій корень bezar, производныя котораго означаютъ какъ *засуха*, такъ и *золото*.

*) Для разъединенія этихъ формъ (въ видахъ приписанія имъ различныхъ значеній) нѣтъ грамматическаго основанія, такъ какъ окончанія множественнаго числа (въ которомъ эти слова только и встрѣчаются) въ этомъ отношеніи ничего не доказываютъ.

23) Какъ древне-еврейское gal соединяетъ въ себѣ значенія: 1) *куча*, *груда* и 2) *волна*, такъ и русское *валъ* вмѣстѣ съ обозначеніемъ *насыпи*, обозначаетъ также *волну*.

24) Старо-славянское *утроба* Mutterleib, въ переносномъ смыслѣ означаетъ Herzlichkeit, Erbarmen;*) сходное сему проявляется въ древне-еврейскомъ корнѣ racham, производныя котораго также соединяютъ эти значенія.

25) Русское слово *страхъ*, какъ извѣстно, употребляется въ переносномъ смыслѣ для обозначенія *отвѣтственности, обезопасенія* и т. д.; напр. *взять что на свой страхъ, отдать на чей-либо страхъ*, откуда страховать versichern, страхованіе Versicherung**). Подобный переносъ обнаруживается въ Семитическихъ языкахъ, въ которыхъ слова, означающія страхъ (pachad, dachlo) составляютъ названія *Бога*, Который есть *страхованіе*, обезопасеніе людей, на Него уповающихъ. Объясненіе же этихъ названій лексикографами въ смыслѣ *предмета страха* оказывается невѣроятнымъ уже въ виду того, что въ др.-еврейской письменности pachad въ смыслѣ *Бога* встрѣчается только относительно Исаака, которому Богъ былъ *страхованіемъ*, охраненіемъ отъ угрожавшей погибели, не допустивъ Авраама заколоть его. Мнѣніе же Кимхи, что именно въ виду принесенія Исаака въ жертву, послѣднему приписывается страхъ Божій, богобоязнь, давно уже опровергнута комментаторами. Смр. Віиг къ Быт. 31, 42.

26) Русское слово *міръ*, какъ извѣстно, заключаетъ въ себѣ два значенія: 1) земля, земной шаръ и 2) родъ человѣческій, общество, населеніе. Вполнѣ сходно сему древне-еврейское erez соединяетъ эти же значенія. Такъ, напр., въ переводѣ Быт. 41, 57 и 1 Сам. 14, 25 иностранные переводчики прибѣгаютъ къ натяжкамъ, парафра-

*) Смр. 2 Кор. 7. 15.

**) А въ старо-славянскомъ: страхъ, ужасъ. Лука 21, 11.

замъ и объяснительнымъ примѣчаніямъ, между тѣмъ какъ на Русскомъ языкѣ (употребляя слово *міръ*) можно перевести указанные стихи дословно и вполнѣ вѣрно и точно передать смыслъ подлинника. Смр. Буєл. Оп. Ист. Грам. § 151 прим. 1.

27) Основное значеніе древне-еврейскаго слова jezer, какъ произведенное отъ глагола jozar *образовать, создавать*, безъ сомнѣнія—*образъ, изображеніе, созданіе*. «Развѣ *образъ* скажетъ объ *образовавшемъ* его: онъ не смыслитъ»? Ис. 29, 16. «Созданіе обнадеживающееся (человѣка, надѣющагося на Бога) Ты хранишь въ совершенномъ мирѣ, за то, что онъ на Тебя уповаетъ» 26, 3. Но для соотвѣтствія контексту во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ сказанное слово встрѣчается, необходимо приписать ему еще переносное значеніе. Такое, по мнѣнію экзегетовъ и лексикографовъ—*помыслъ, мышленіе*. Однако само слово jezer нигдѣ не выражаетъ понятія о мышленіи, а лишь—въ совокупности со словами machschwoth lew (мысли сердца), Бытіе 6, 5; перв. Парал. 28, 9; 29, 18. Только на одномъ мѣстѣ (Бытіе 8, 21) опущено слово *мысли*, безъ сомнѣнія, какъ сокращеніе легко уразумѣвающагося, что̀ часто встрѣчается въ древне-еврейской письменности. И Дѣйствительно, выраженіе *мысли сердца* у Еврея есть даже плеоназмъ, такъ какъ у него и само слово *сердце*, какъ извѣстно, означаетъ *мысли*. Но дѣло въ томъ, что гебраисты не пользовались аналогіею переносныхъ реченій Русскаго языка. Если бы они принимали въ соображеніе употребленіе Русскаго слова *образъ* въ смыслѣ Art, Weise, они бы легко убѣдились въ томъ, что Еврейское реченіе jezer machschowoth есть точь въ точь Русское *образъ мыслей* и вѣрно заключили бы, что одинъ и тотъ же взглядъ породилъ указанное переносное значеніе Русскаго *образъ*, какъ и древне-еврейскаго jezer. Такимъ образомъ перв. Паралип. 29, 18 слѣдуетъ переводить: «Храни сіе навсегда какъ *образъ мыслей* (сердца) народа Твоего». Въ этихъ словахъ,

какъ вполнѣ соотвѣтствуетъ контексту, заключается просьба Давида о томъ, чтобы Богъ сохранилъ навсегда благочестивое настроеніе Израиля, обнаруживавшееся въ пожертвованіяхъ на постройку храма. Недостаточность Нѣмецкихъ переводовъ независима отъ переводчиковъ, а коренится въ языкѣ. Переводившіе: «als Gebilde der Gedanken im Herzen deines Volkes» поняли смыслъ Еврейскаго текста и они, конечно, не виновны въ томъ, что Нѣмцы не употребляютъ ни Gedankenbild, ни Gebilde der Gedanken въ смыслѣ Русскаго *образъ мыслей*. Если бы переводили Denkungsart, они, конечно, яснѣе и точнѣе передавали бы смыслъ стиха, но вмѣстѣ съ тѣмъ уклонились бы отъ буквальнаго значенія оригинала. Тутъ только Русскій переводчикъ (употребляя слово *образъ*) можетъ передавать въ точности смыслъ рѣчи, сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ буквальное значеніе словъ. Также Второзак. 31, 21 слѣдуетъ переводить: «ибо я знаю *образъ* его, какимъ онъ поступаетъ», т. е. знаю какимъ *образомъ* онъ поступаетъ. Только въ Талмудическій періодъ, когда древне-еврейскій языкъ уже отжилъ свой вѣкъ и памятники его письменности сдѣлались источниками заимствованія выраженій для установляющихся воззрѣній и образующихся понятій, тогда, для установившагося у Талмудистовъ воззрѣнія о врожденной человѣку наклонности ко злу, стали употреблять слово jezer, встрѣчающееся въ библіи большею частью въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорится о дурномъ образѣ мыслей людей; напр. «Кто можетъ называться героемъ?—обуздывающій свой jezer» и т. п. И когда оптимистическое направленіе Талмудистовъ не могло не допустить того, что человѣку присвоена Богомъ также наклонность къ добру, они стали употреблять выраженія jezer *добра* и jezer *зла* въ смыслѣ добрыхъ и злыхъ наклонностей человѣческой натуры.

28) Свойственное Семитическимъ языкамъ воззрѣніе о связи между понятіями о глупости и о негодности, порочности

пости и т. д.*) также имѣетъ подобное себѣ въ Русскомъ языкѣ: *дурь, дуракъ, дурень и дурной, дурнота* и т. д. происходятъ отъ одного и того же корня.

29) Какъ Семитическое ruach, такъ и Славянское *духъ* соединяютъ довольно отдаленные другъ отъ друга оттѣнки одного общаго понятія: они означаютъ Geist, Athem и Wind (старо-славянск.). Ср. греч. pneuma. Съ другой стороны Русскому *духи* въ смыслѣ благовонныхъ веществъ соотвѣтствуетъ древне-еврейское nefesch. Пс. 30, 20; Пр. Солом. 27, 9.

30) Русское *грѣхъ* въ переносномъ смыслѣ, какъ извѣстно, означаетъ *бѣду, несчастіе;* такую же ассоціацію представленій проявляютъ въ своихъ значеніяхъ древне-еврейскія существительныя owoun (Бытіе 4, 13; Пс. 31, 11) и schow (Пс. 30, 28; Іовъ 7, 3; 15, 31) и глаголъ oscham (Іерем. 2, 3; Зах. 11, 5).

31) Употребленіе мѣстоимѣнія *другой* въ усѣченномъ окончаніи: *другъ*, въ смыслѣ *пріятель*, обнаруживаетъ весьма замѣчательную черту характера Русскаго народа. Это—радушно-сангвиническое расположеніе духа, свойственно людямъ, чувствующимъ внутреннее влеченіе къ дружбѣ и братанью. Сходное сему проявляется въ древне-еврейскомъ языкѣ, въ которомъ взаимодѣйствіе, или взаимное отношеніе двухъ или нѣсколькихъ лицъ или предметовъ, выражается реченіемъ *человѣкъ брату своему*, или *человѣкъ пріятелю своему* и т. п.

32) Второзак. 6, 22, по употребительному значенію словъ, слѣдуетъ переводить: «Господь явилъ знаменія и чудеса великія и *злыя*. Однако несообразность послѣдняго эпитета съ контекстомъ очевидна. И дѣйствительно, многіе переводчики прибѣгаютъ къ уклоненію отъ употребительнаго значенія слова roim лишь бы найти болѣе подходящій

*) Сир. Гезеніусъ s. v Nowol.

смыслъ. Они безъ основанія употребляютъ въ переводѣ сказаннаго эпитета прилагательныя terribles, nuisibles и т. д. Другіе парафразируютъ; напр. «des signes et de miracles, qui étaient grands et qui ont causé de grands maux» (Ostervald). Hat grosse Zeichen und Wunder zur Strafe gethan» (Mendelssohn). Что подобныя натяжки должны уступить лучшей экзегетической гипотезѣ—это не подлежитъ сомнѣнію. Между тѣмъ въ Русскомъ прилагательномъ *лихой* проявляется связь между понятіями о *злѣ, злости* и о *бойкости, проворствѣ, удальствѣ* и т. д., въ виду чего мы можемъ приписать такую омонимность и древне-еврейскому ra. И такъ, Русскому переводчику стоитъ только употребить прилагательное *лихой* и—ларчикъ просто открывается: «Господь явилъ *знаменія и чудеса великія* и *лихія*.

33) Прилагательное *ярый* означаетъ какъ бѣлый, чистый, свѣтлый, такъ и жаркій, палящій*). Сходное сему представляетъ Семитическій корень lowan. При обыкновенномъ своемъ значеніи *быть бѣлымъ*, онъ означаетъ также жечь, палить, калить (Chulin 8; Bezoh 34). Отсюда, вѣроятно, значеніе его производныхъ: lwenoh — жженый кирпичъ; malben—печь; lwounoh — курительное вещество (см. Пѣснь Пѣсней 4, 14). А лексикографы напрасно прибѣгали къ натяжкамъ для объясненія ихъ значеніемъ *быть бѣлымъ*.

34) Въ древне-еврейскомъ siach проявляется переходъ отъ понятія *произрастеніе, произведеніе* къ понятіямъ *существо, дѣло, событіе, разговоръ, разсказъ* и т. д. Такое сближеніе представленій, повидимому, свойственно и Русскому языку, вслѣдствіе чего какъ древне-еврейское siach, такъ и русское *былина* означаютъ какъ извѣстнаго рода растеніе, такъ и событіе, разсказъ и т. д.

---

*) Смр. Буслаева Опытъ Ист. Граммат. § 147. Это вѣроятно основано на сходствѣ бѣлаго (свѣтлаго) съ краснымъ (смр. выше А, б), видимымъ признакомъ огня, источника жары и палепія.

35) Русское слово *правда*, какъ извѣстно, означаетъ не только истину, но и справедливость, правдивость, праведность; далѣе—законъ, судопроизводство, правосудіе. Какъ на соотвѣтствующую ассоціацію понятій слѣдуетъ указать на значенія древне-еврейскаго emeth и такимъ путемъ откроется болѣе точный переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ древне-еврейской письменности; напр. Пс. 54, 7 слѣдуетъ переводить *правдою* (т. е. правосудіемъ) *Твоею* истреби ихъ; Исх. 34, 6 —*великій въ благодѣяніи и правдѣ* и т. п.

36) Въ Русскихъ словахъ *пройдоха, прошлецъ, ходокъ* проявляется связь между понятіями объ усиленномъ или учащенномъ хожденіи и о хитрости, лукавствѣ, пронырствѣ и т. д. Сходно сему древне-еврейскій корень rogal обозначаетъ какъ пѣшеходство, такъ и шпіонство, интриги и т. д.

37) Употребленію Русскаго прилагательнаго *настоящій* въ смыслѣ echt, wahr, соотвѣтствуетъ Арамейское jaziw.

38) *Гортань* въ старо-славянскомъ языкѣ означаетъ 1) горло, 2) голосъ, исходящій изъ горла и 3) небо во рту. Всѣ эти три значенія заключаетъ въ себѣ и соотвѣтствующее древне-еврейское cheeh: Ос. 8, 1; Пр. Сол. 8, 7; Пѣснь Пѣсн. 7, 10; Пс. 137, 6.

39) Подобно старо-славянскимъ реченіямъ *горнь* и *горній* (небесный), и древне-еврейское horim (горы) употребляется въ смыслѣ *небо*. Пс. 18, 6; Пс. 50, 11; 121, 1.

40) Предполагая, что Русскія слова *сѣно* и *сѣни* происходятъ отъ одного и того же корня, слѣдуетъ сопоставить сему древне-еврейское chozir. Смр. Пс. 34, 13; 35, 7.

41) Въ Славянскихъ нарѣчіяхъ проявляется связь между понятіями о быстротѣ и о свѣтѣ, такъ что одни и тѣ же слова обозначаютъ оба эти понятія*). Такое сочетаніе пред-

*) См. Буся. Опытъ Истор. Граммат. § 147.

ставленій обнаруживается въ Семитическомъ nohar, означающемъ какъ *быстрое* теченіе, такъ и *сіяніе, свѣтъ*. Такимъ образомъ мнѣніе Гезеніуса о соединеніи въ сказанномъ звуковомъ составѣ двухъ различныхъ словесныхъ корней, оказывается лишнею натяжкою.

Г.

Въ производствѣ глаголовъ отъ остальныхъ частей рѣчи.

1) Въ Русскомъ языкѣ отъ существит. *языкъ* образовалось слово *язычникъ* въ смыслѣ *клеветникъ* и въ такомъ смыслѣ глаголъ *язычничать*. Подобно сему въ древнееврейскомъ языкѣ отъ существит. loschoun (языкъ) образовался глаголъ въ упомянутомъ значеніи. Пс. 101, 5; Пр. Солом. 30, 20.

2) Принимая въ соображеніе Русскій глаголъ *поголовить* (denom. отъ существ. *голова*, въ смыслѣ *ограблять, обирать, отнимать* у кого все, оставляя ему только голову), представляется весьма вѣроятнымъ, что древнееврейскій глаголъ rusch (быть лишену всего, быть неимущимъ) тоже есть denom. отъ rousch голова*). Гл. jorasch собственно сроденъ съ gorasch, но онъ также перемѣняется съ rusch**); посему самый лучшій переводъ Суд. 14, 15 будетъ: «Развѣ вы призвали насъ, чтобы *поголовить* насъ»?

3) Какъ въ Русскомъ языкѣ отъ существительн. *чрево* образовался глаголъ *чреватѣть*, такъ и въ Арамейскомъ языкѣ отъ соотвѣтствующаго bitno произведенъ глаголъ въ смыслѣ schwanger, trächtig werden. Targ. Іовъ 21, 10.

4) Отъ существ. *матерь* въ Русскомъ языкѣ образовался глаголъ *матерѣть* въ смыслѣ fest werden, sich

*) Въ подтвержденіе сего предположенія можно указать на ореографію 2 Сам. 12, 1; Пр. Солом. 13, 23; 30, 8 и т. п.

*) Ср. Пр. Солом. 20, 13.

verhärten и т. д. Сходно сему въ древне-еврейскомъ языкѣ отъ соотвѣтствующаго существ. emn образовался глаголъ oman (n вмѣсто усугубленія, подобно ofaf=onaf. Ср. Ис. 23, 11), означающій какъ *воспитывать, взлелѣивать* (т. е. поступать, дѣйствовать какъ мать), такъ и *быть твердымъ, постояннымъ* и т. д.

5) Какъ въ Русскомъ языкѣ отъ сущ. *Богъ* образовался глаголъ *божиться* schwören, betheuern, такъ въ древне-еврейскомъ языкѣ обозначающій сказанное понятіе глаголъ oloh (Суд. 17, 2; Ос. 4, 2 и др.) есть denom. отъ eloah: Богъ (Смр. Semitische Nachklänge in den slavischen Sprachen, стр. 30).

6) По мнѣнію лингвистовъ, Славянскимъ языкамъ свойственна аналогія понятій: *дерево и быть здоровымъ, сильнымъ, здравствовать**). Прилагательное *здоровый* объясняется происходящимъ отъ *съ-дровъ*, т. е. сходный съ деревомъ (по силѣ, крѣпости и прочности); Сербское *дебло*: стволъ древесный, сравнивается съ Русскимъ *дебелый*: толстый, плотный. Такая аналогія понятій проявляется также въ Семитическихъ языкахъ, въ которыхъ слова съ значеніемъ *быть сильнымъ, крѣпкимъ* и означающія разнаго рода дерево, и также дерево вообще (ср. сиро-халдейское ilon) составляютъ только различныя формы одного и того же корня.

7) Въ Русскомъ языкѣ проявляется замѣчательное воззрѣніе, по которому отъ обозначеній пышной растительности производятся глаголы въ смыслѣ *храбриться, тщеславиться, чваниться, говорить рѣзко, произвольно* и т. д.; напр., отъ существ. *дуброва—дубровиться*, отъ сущ. *ботва—ботвиться*. Сходно сему въ древне-еврейскомъ языкѣ отъ сущ. pouroh (облиственѣлая вѣтвь) обра-

*) Смр. Филол. Записки за 1864 г., стр. 141 и д.

зовался глаголъ hithpoer въ подобномъ же смыслѣ. Смр. Суд. 7, 2; Ис. 10, 5; Исх. 8, 5.

8) Русскій глаголъ *мужевать* съ значеніемъ erwägen, überlegen бросаетъ яркій свѣтъ на проблематическое мѣсто въ древне-еврейской письменности. Въ виду производства такого глагола отъ существъ *мужъ*, не слѣдуетъ сомнѣваться въ томъ, что и древне-еврейскій глаголъ hithoschesch (Ис. 48, 8) образовался отъ isch (мужъ) въ вышеупомянутомъ значеніи, вполнѣ соотвѣтствующемъ контексту указаннаго мѣста. Глаголы sich ermannen, s'encourager, употребляемые переводчиками, далеко не подходятъ къ содержанію указанной рѣчи, гдѣ пророкъ вовсе не обращается къ храбрости и мужеству народа, а вызываетъ его здравый разсудокъ противъ *суевѣрія* язычества. И такъ, примѣнимъ сюда только Русскій глаголъ *мужевать*.

2007097144